

Эдуард

ТОПОЛЬ

НЕСКУЧНЫЙ
КИНОСАД

Бестселлеры Эдуарда Тополя

Эдуард Тополь

Нескучный киносад (сборник)

«Эдуард Тополь»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Тополь Э. В.

Нескучный киносад (сборник) / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,
2016 — (Бестселлеры Эдуарда Тополя)

ISBN 978-5-17-095130-7

Пять повестей знаменитого писателя и кинодраматурга, автора
международных бестселлеров и фильмов «На краю стою», «Юнга Северного
флота», «Ванечка» и других.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095130-7

© Тополь Э. В., 2016
© Эдуард Тополь, 2016

Содержание

Авиатриссы	6
«Стрижи» на льду (По идее Артура Пинхасова)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эдуард Тополь

Нескучный киносад (сборник)

© Э. Тополь, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Авиатриссы

Простая история

Глава 1

Жарким летом 1987 года на пыльном шоссе, проходящем у Приволжского аэродрома, на автобусной остановке «Аэропорт» стояла под палящим солнцем семнадцатилетняя Катя с фибровым чемоданом у ног. Она была маленького роста, и по ее одинокой унылой фигуре было видно, что стоит она давно и безнадежно. Катя высматривала рейсовый автобус, но мимо, поднимая пыль, проносились только грузовики и легковушки.

Наконец какой-то обшарпанный «жигуль» все-таки тормознул подле Кати, и крупный двадцатилетний водитель в желтой линиялой штормовке окликнул ее:

– Эй! Куда тебе?

Подхватив чемодан, Катя подбежала к машине, быстро открыла заднюю дверцу и поставила на сиденье свой чемодан.

– В летное училище! Подвезете?

– Куда-куда? – удивился парень.

– В летное училище. На экзамены опаздываю. – Катя уселась рядом с ним на переднем сиденье.

– На диспетчера будешь учиться? – спросил водитель, трогая машину.

– Почему на диспетчера? На летчика.

– Чиво-о? – Парень ударил ногой по тормозу.

– На лётное, я пилотом буду, – уверенно сказала Катя. – Ехай! Пожалуйста!

Но водитель, перегнувшись через ее колени, открыл дверцу машины.

– Вылазь! «Ехай»!

– Ты чо? – изумилась Катя.

– А то! Баб на лётное не принимают. Вылазь!

– Как не принимают? Почему?

– Потому! Курица не птица, баба не пилот. Вылезай, я сказал!

И ведь высадил, обозлившись неизвестно на что. Не знал, конечно, что от судьбы не уйдешь...

Однако не будем забегать вперед.

На следующий день Катя сидела в кабинете ректора Приволжского авиационного училища генерала Рыкова. Здесь на письменном столе, на подоконнике и на шкафах стояли макеты самых разных самолетов – от всех Анов до Ту-144 и армейских бомбардировщиков сороковых годов, а за окном, на зеленом летном поле, где расположился музей авиационного училища, стояли те же самые самолеты – в свою натуральную величину.

Глядя на это сказочное, но, оказывается, недостижимое богатство, Катя со слезами на глазах говорила генералу:

– А как же Гризодубова? Марина Попович?

Но ректор только развел руками:

– Ничего не могу поделать. Приказ Министерства гражданской авиации. На летные профессии принимаются только лица, имеющие приписное свидетельство военкомата. То есть военнообязанные. Понимаете? Чтобы, если война...

– Так я согласна! – воскликнула Катя. – Если война, пойду хоть на истребитель! Я летать хочу! Я с рождения...

– Поймите, девушка, – перебил генерал, – я не могу нарушить приказ министра. Поезжайте к нему. Если мне из министерства прикажут...

– Да? – обрадовалась Катя. – Если прикажут, то примете? Правда?

Тут я должен объяснить настырность своей героини.

Каждый из нас в детстве летал, но так, как летала Екатерина Осина, не летал никто. Дело в том, что все мы летали во сне, а Катя – наяву, и притом с грудного возраста, да еще – в пилотской кабине! А всё потому, что мама у Кати, извините, скончалась в день Катиного рождения в родильном доме города Салехард, а папа был командиром самолета Ан-2, и девать ему Катю было совершенно некуда, кроме своей пилотской кабины. Поэтому зимой под ровный гул мотора мощностью 1000 л. с. Катя, завернутая в оленьи меха, спала позади командирского кресла, куда бы они ни летели – за мороженой рыбой к ненцам Тарко-Сале, за соболиными и норковыми мехами на хантыйские зверофермы или с продуктами и спиртным к геологам Урая и Уренгоя.

Конечно, иногда Катя просыпалась и подавала голос. Тогда отец передавал управление самолетом второму пилоту, а сам поднимал с пола меховой сверток, разворачивал дочку и менял ей пеленки или возвращал утерянную во сне соску. И говорил:

– Катюша, до Салехарда час сорок. Потерпишь?

И снова они летели над бескрайней тундрой, покрытой снегом и ледяными торосами, и гул авиационного двигателя «АШ-62ИР» был для Кати колыбельной песней.

А летом и того проще – в салоне, у переборки, отделяющей этот салон от пилотской кабины, отец ставил детский манеж, привязывал его к этой переборке крепко-накрепко, насыпал в него разноцветных кубиков и кукол, а сверху накрывал антимооситной сеткой. И был у Кати свой, на высоте тысяча метров, домик, в котором она играла и летала до поступления в детский сад, то есть до четырех полных лет. Правда, порой случались ЧП. Как-то они перевозили ненцев-оленьеводов. Взяли их где-то на севере Обской губы и повезли в Салехард на слет ударников труда. А по дороге эти ударники развели на алюминиевом полу салона костер и стали угощать трехлетнюю Катю жареной олениной. И только когда дым и запахи костра проникли в пилотскую кабину, Катин отец испуганно выскочил в салон и закричал на ненцев:

– Вы с ума сошли! А ну гасите! Быстро!

А Катя, стоя в манеже, протянула отцу кусок жареной оленьей печени:

– Скусно, папа! Куссай!

Глава 2

Но вы когда-нибудь пробовали попасть на прием к министру?

Впрочем, если вы летаете первым классом и вообще какой-нибудь олигарх или дочка олигарха, то для вас, конечно, все двери открыты. Но что, если вам всего восемнадцать лет и вы приехали в общем вагоне из города Салехарда или еще из какой-нибудь глубинки? Как повашему? Сможете вы пробиться к министру?

Катя сидела на своем фибровом чемодане у высоких дубовых дверей парадного входа Министерства гражданской авиации, что на Ленинградском проспекте. И с изумлением взирала на одну из первых массовых демонстраций времен горбачевской гласности, которая шумным потоком двигалась рядом по этому проспекту. Демонстранты несли портреты Сахарова, Гдьяна и Ельцина и самодельные, написанные от руки плакаты:

**ТРЕБУЕМ ОТМЕНИТЬ
ШЕСТУЮ СТАТЬЮ КОНСТИТУЦИИ!**

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ! НЕТ – ВЛАСТИ КПСС!
ДОЛОЙ КГБ!
ВЕРХ ПОЗОРА И БЕЗОБРАЗИЯ – ПАРТИЯ,
КОТОРАЯ ЗАЩИЩАЕТ СВОИХ МЕРЗАВЦЕВ! *В. И. Ленин*
ЗАЩИТИМ ДЕЛО ГДЛЯНА И ИВАНОВА!
ЕЛЬЦИН – ПРОСНУВШАЯСЯ СОВЕСТЬ КПСС

Вожаки демонстрации кричали в мегафоны требования об отмене цензуры и освобождении диссидентов и политзаключенных, а с тротуара их фотографировали суетливые иностранные журналисты.

Тут высокая входная дверь министерства чуть приоткрылась, из нее выглянул пожилой толстяк в застиранной бледно-голубой форменной рубашке – начальник министерской охраны. Увидев Катю, он хотел тут же закрыть эту дверь, но Катя была на стреме, она-то давно ждала этого момента и успела сунуть ногу в проем двери.

– Да не примет тебя никакой министр! – сказал на это начальник. – Убери ногу!

– Примет! – уверенно ответила Катя.

– Ага! Щас! – скептически заметил начальник и вдруг ловким толчком отстранил от двери и Катину ногу, и саму Катю. – Иди отсюда! – И захлопнул дверь.

Но Катя, упрямо дернув плечом, снова села на свой чемодан.

Рядом продолжала катить громогласная колонна демонстрантов. Иностранные журналисты продолжали фотографировать их и брать у них интервью. А над всем этим действием, на фронтонах зданий Ленинградского проспекта, продолжали висеть стандартные транспаранты советской эпохи:

УЧЕНИЕ ЛЕНИНА-СТАЛИНА НЕПОБЕДИМО,
ПОТОМУ ЧТО ОНО ВЕРНО
КПСС – УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ
НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
КОММУНИЗМ – ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА,
И ЕГО ВОЗВОДИТЬ МОЛОДЫМ!

С решимостью держать свою осаду до победного конца, Катя порылась в дорожной сумке, достала завернутый в «АиФ» пакет и развернула его. В пакете был обычный дорожный набор – половина вареной курицы, ломоть хлеба, два крутых яйца. Подумав, Катя быстрым жестом перекрестила свою еду и начала с курицы.

Начальник охраны, который через окно наблюдал за Катей, на такой демарш явно не рассчитывал. Он снова открыл дверь и вышел на каменные ступени.

– Министра вообще нет в Москве, понимаешь? – сказал он.

Катя смерила его взглядом с ног до головы и решила, что выбрала правильную стратегию. Продолжая есть, сообщила:

– Ничо, я подожду, когда прилетит.

– А прилетит – все равно не примет.

– Ага, – сказала Катя, продолжая жевать свою курицу. – А я не уйду, пока не примет!

– А я счас охранников позову, они тебя вышвырнут отсюда.

Катя скептически усмехнулась:

– Попробуй. А я вон тех журналистов позову, иностранных...

Тут подошла восемнадцатилетняя узбечка, стройная и худенькая, как кинжал, но с рюкзаком и с потертым чемоданом в загорелой руке.

– О! Еще одна! – насмешливо сказал начальник. – Из Ташкента прилетела?

– Я не прилетела, – ответила узбечка. – Я приехала. Из Питера. Из летной академии. Мне начальник академии сказал...

– Да знаю я, что они вам говорят! Все на министра спихивают. А если с вами что в воздухе случится, кто под суд пойдет?

– Вы летчик? На пенсии? – вдруг спросила Катя.

– С чего ты взяла? – удивился он.

– А потому что летчиков злых не бывает. Небо злых не держит, – сообщила ему Катя и протянула узбечке крутое яйцо. – Будешь?

– Спасибо...

Узбечка села на свой чемодан, устало стянула с плеч рюкзак, открыла его и достала точно такой же, как у Кати, газетный пакет, тоже завернутый в «АиФ». Развернула, и там, как вы понимаете, тоже оказались половина вареной курицы, лаваш, два яйца и пара редисок. Усмехнувшись, узбечка и Катя чокнулись крутыми яйцами.

– Я Гюльнара Насибова. Из Ферганы, – сообщила узбечка. – А ты?

– Катя Осина, из Салехарда, – чистя яйцо, ответила Катя.

– Чокнутые... – заметил начальник охраны и ушел, закрыл за собой дверь.

Но Катя и Гюльнара даже не обратили на это внимания.

– У тебя отец на чем летает? – спросила Катя.

– У меня отец пастух, – ответила Гюльнара.

– Иди ты! А как же ты?..

– Хочу летать, – хрустя редиской, сказала Гюльнара. – И буду!

– Но ты хоть штурвал в руках держала?

– Честно?

– Ну...

Гюльнара оглянулась на закрытую дверь министерства. И сообщила негромко:

– Я вообще в самолете еще никогда не была.

– Иди ты! – снова изумилась Катя.

Тут Гюльнара достала из кармана пачку «Ту-134», выбила две сигареты и одну протянула Кате. Но Катя отрицательно покачала головой.

– Нет, спасибо. А разве узбечки курят?

– Узбечки не курят, а летчицы курят. – И Гюльнара неумело защелкала зажигалкой, прикурила и тут же закашлялась.

Катя посмотрела на нее укоризненно, но Гюльнара, откашлявшись и отдышавшись, заявила твердо:

– Но летать буду!

Тут из двери опять вышел начальник охраны. Суетливо и поспешно, с опаской косясь на демонстрацию, идущую по Ленинградскому проспекту, он не то приказал, не то попросил:

– Ну, всё! Всё! Валите отсюда! Освободите территорию!

Но Катя и Гюльнара не успели ответить, как к подъезду с одной стороны подкатила черная «Чайка», а с другой – на велосипеде – еще одна девушка с рюкзаком, тоже восемнадцатилетняя, но полная и пышногрудая, Марина Голубева. Из «Чайки» вышел министр с портфелем и тут же нахмурился, поскольку сидевшие на своих чемоданах Катя и Гюльнара загораживали ему проход.

– Это еще что такое? – спросил министр.

– Извините, Александр Никитович, – растерялся начальник охраны. – Это... Это приезжие...

Спрятав сигарету в кулак, Гюльнара первой вскочила со своего чемодана:

– Ой! Вы Александр Никитович? Министр?

– Ну, допустим, – сказал министр. – И что?

– Ой! – подскочила и Катя. – Я уже год не могу к вам попасть! Пожалуйста!..

– А в чем дело? – продолжал хмуриться министр.

Катя поспешно достала из сумки сложенный вчетверо лист.

– Вот заявление! Без вашей визы у нас не берут документы в летное училище! А у меня отец Виктор Осин, вы с ним в Афгане летали, помните?

– Ну, летал... – нехотя подтвердил министр. – И что? Если все, с кем я летал, будут мне своих детей подбрасывать... – Но все-таки взял Катину заявление. – На какое отделение ты хочешь?

– На лётное.

– На лётное?! – удивился министр.

– Александр Никитович, я в авиаклубе с двенадцати лет, я все самолеты знаю, – затараторила Катя.

– А у меня сто сорок прыжков с парашютом, – сказала Марина.

– А у меня черный пояс по дзюдо, – сообщила Гюльнара.

– И вы на лётное? – спросил у них министр.

Гюльнара и Марина протянули ему свои заявления.

Министр в замешательстве посмотрел на начальника охраны.

– Вообще-то, – вдруг сказал тот, – я в Саранском ДОСААФе Марину Попович прыжкам с парашютом учил...

В этот момент с Ленинградского проспекта снова донеслись усиленные мегафоном призывы демонстрантов к свободе и свержению власти КГБ, и министр поспешно взял заявления, написал на каждом *«Допустить к экзаменам»* и быстро скрылся за дубовой дверью.

Восторженно прыгая, Катя и Марина бросились обнимать начальника охраны. А Гюльнара разжала кулак с погасшей сигаретой, увидела на ладони ожог и выругалась по-узбекски.

Тут я обязан подтвердить, что отец у Гюльнары был действительно пастух, и никто в ее роду никакого отношения к авиации не имел. Всё ее детство родители кочевали по высокогорным пастбищам Памира в поисках травы для своих овец, трех выюнных верблюдов и пяти ослов. Летом верблюды и ослы, нагруженные свернутой кибиткой, ящиками и тюками, шли все время вверх, к леднику Медвежий, который талой водой орошал высокогорные пастбища. Вслед за этим караваном несколько женщин, подростков и собак гнали овец. А на горбу переднего верблюда, которого вел отец, поверх тюков с коврами и другим скарбом была укреплена войлочная люлька с высокими бортами, укрытыми цветастыми узбекскими платками. В этой люльке, на дне, на подушках из верблюжьей шерсти, в такт шагам верблюда раскачивалась семимесячная Гюльнара. Плакала ли она или хныкала, никто ее не слышал и не обращал на нее никакого внимания. Но вот издали доносится гул самолета. Он все приближается. Гюльнара замолкает и смотрит вверх. Над ней проносится МиГ, оставляя в небе широкий белый след. Девочка смеется, сует в рот палец, сосет его и засыпает. И во сне, раскинув руки, летит-планирует над Ферганской долиной. А самолет, делая «свечку», уходит все выше и выше над снежными верхушками гор...

И это, признаюсь, всё, что я смог отыскать в биографии Гюльнары, – всё, что спустя семнадцать лет привело ее в город Приволжск.

Глава 3

А у Марины Голубевой всё наоборот – не было отца, а мама была инструктором парашютного спорта в Москве, в Тушинском отделении ДОСААФ. И потому Марина с двух лет парила в воздухе, сидя в рюкзачке, прикрепленном у мамы на груди к ПСП – подвесной системе парашютистки. При этом в полете обе хохотали от удовольствия, хотя на земле маму нередко встречал какой-нибудь грозный начальник:

– Как ты смела?! С ребенком! А если бы вы разбились?!

На что мама спокойно отвечала:

– Во-первых, у меня семь тысяч прыжков. Во-вторых, а если бы я без нее разбилась? С кем бы она осталась?

Но это было давно, пятнадцать лет назад. А сейчас Марина сидела на кухне, не включая света. За окном была окраинная московская улица с портретами Горбачева и Лигачева в пустых витринах гастронома. Там кроме банок с баклажанной икрой, болгарского лечо и пачек соли давно уже не продавали ничего. Потом Марина увидела свою мать, та шла по улице с редкой добычей в вязаной авоське – три банки с сардинами и три со стуженкой. Конечно, она изменилась с тех пор, как они вдвоем прыгали с парашютом – располнела, поседела, и походка стала какой-то утиной. Досталось ей...

Войдя в квартиру, мама включила в прихожей свет, прошла мимо Маринино велосипеда на кухню и удивилась:

– Ты дома? А почему без света?

– Ма, – сказала Марина, – нам нужно поговорить как женщина с женщиной.

– Ты беременна? – испугалась мать.

– Нет.

– Ты влюбилась в женатого? – Мать стала выкладывать продукты из авоськи.

– Нет, мама.

– А что случилось?

– Если я поступлю в институт, ты меня пять лет сможешь кормить?

Мать облегченно выдохнула:

– Ой, да с радостью! А куда ты?

– В Приволжск.

– Что-о? На кого?

– На пилота, мама.

– Ты с ума... Да ни за что! Твой отец...

– Я знаю, мама, – перебила Марина. – Его сбили в Анголе.

– Мариша, ну, пожалуйста! – Мать присела на стул. – В любой другой – МГУ, медицинский...

Глава 4

А потом был Приволжск, летное училище, медосмотры и тесты на устойчивость вестибулярного аппарата, концентрацию внимания, оперативную реакцию и уравновешенность. И вступительные экзамены по физике, математике, литературе. И – наконец! – на летном поле, в окружении самолетов и вертолетов всех эпох – торжественное построение курсантов по отделениям – летное, диспетчерское, инженерное. Старшекурсники в курсантской форме (и среди них тот самый водитель замызанного «жигуля», который высадил Катю), а также новички еще в гражданской одежде. Начальники курсов выкрикивали:

– Летное отделение построено!

– Диспетчерское отделение построено!

– Инженерное построено!

– Управленческое построено!

Пожилой, похожий на Жана Рено, заместитель ректора по организационно-воспитательной работе скомандовал: «Училище, равняйся!» – и быстрым шагом прошел вдоль строя.

Стоя среди новичков, Гюльнара и Марина неумело выровнялись в шеренге парней летного отделения.

– Девушки, а вы будете стоя летать? – спросил их кто-то из старшекурсников.

– В каком смысле? – не поняла Марина.

– Ну, при вашем росте нужно или стоя летать, или подушки под зад подкладывать.

Старшекурсники хохотнули, а Марина не нашлась что ответить. Тут к ним приблизился замректора:

– Девушки, подровнять мыски! Еще подровнять! – И, дойдя до конца шеренги, выкрикнул на весь полигон: – Училище, смирна-а! – Он шагнул к ректору: – Товарищ генерал! Училище и новый набор курсантов построены!

– Вольно, – сказал ректор. – Товарищи курсанты Высшего авиационного училища! Поздравляю вас с началом учебного года!

– Ура-а! – на радостях отозвалась Марина и тут же осеклась под уничижительным взглядом заместителя ректора и смехом старшекурсников. – Ой, извините...

– Ничего, – усмехнулся ректор. – У нас не армия. Но... – Он поднял палец. – Дисциплина! Вам ясно?

– Так точно, – одновременно отозвались Марина и Гюльнара. – Ясно, товарищ генерал.

Стоя на окне второго этажа учебного корпуса, зареванная Катя, одетая в линялый халат уборщицы, издали смотрела на эту торжественную процедуру. Потом вытерла слезы, опустила тряпку в ведро с водой и продолжила мыть окна мужского туалета.

Заняв в общежитии крохотную комнату с двумя койками, Марина и Гюльнара перешили на себя курсантскую форму, полученную на складе, когда в дверь вошли все тот же заместитель ректора «Жан Рено» и Катя с раскладушкой.

– Здравствуйтесь, девушки, – сказал «Рено». – Вы точно согласны, чтобы с вами тут эта уборщица жила?

– Да, согласны! Сто пудов! – отозвались обе.

– Я не уборщица! – расправляя раскладушку, гневно выпрямилась Катя. – Я будущий пилот!

– Ты – пилот? – усмехнулся замректора. – Ты физику завалила.

– Да ничо я не завалила! Вы меня из-за роста срезали!

– Само собой, – согласился «Рено». – Ты ж на пилота ростом не вышла. Сколько в тебе?

– Ну, метр пятьдесят семь... – нехотя сказала Катя.

– Вот! А на пилотов мы берем с метр шестьдесят пять.

– А мне всего восемнадцать лет. Я еще вырасту!

– Ну, когда выше швабры вырастешь... Пока!

И «Рено» ушел, а Катя ничком упала на раскладушку и разрыдалась.

– Да ладно тебе! Перестань!.. – сказали ей Марина и Гюльнара.

Катя рывком села, вытерла слезы.

– Все равно я буду здесь учиться!

И пошли учебные будни – у Марины и Гюльнары физика, высшая математика, история. А у Кати – уборка коридоров, туалетов, лестниц. Швабра, ведро с водой, половая тряпка и атака на заместителя ректора, постоянно бегавшего по коридорам:

– Валерий Иванович! Ну, пожалуйста! Разрешите мне быть вольнослушательницей!

«Рено» небрежно отмахивался на бегу, но Катя не отставала:

– Я лучше всех буду учиться!

Замректора убежал, даже не ответив, Катя в сердцах плескала из ведра воду на пол и остервенело драила этот пол шваброй, а из открытых дверей учебных классов были слышны голоса педагогов летного отделения. Там у Марины и Гюльнары были занятия по английскому, воздушному праву, радиообмену. А у Кати – всё то же мытье полов. Вымыв спортзал, она подходила к турнику и пыталась допрыгнуть до перекладины. Безуспешно. Тогда она направля-

лась к шведской стенке, взбиралась на нее, висела вниз головой и – как в детских снах – летела над тундрой, раскинув руки. Росла...

Глава 5

Опустить учебные будни или все-таки рассказать, как по утрам под песню Цоя курсанты делают зарядку на спортивных снарядах своего стадиона – подтягиваются на турнике, крутят «солнышко», толкают ядро. Но стоит Гюльнаре и Марине появиться на беговой дорожке вокруг футбольного поля, как к ним то и дело пристраиваются на бегу старшекурсники, флиртуют и пытаются познакомиться.

Тут, может быть, совершенно не к месту, но все-таки нелишне сказать, что город Приволжск возник на заре самолетостроения на выжженных солнцем приволжских степях, гладких, как женское колено, и плоских, как письменный стол Господа Бога. По этой причине тут могут безбоязненно взлетать и садиться все виды летательных аппаратов, от первых «этажерок» до космических кораблей, и, между прочим, именно сюда, в эти степи в апреле шестьдесят первого приземлился Юрий Гагарин.

Ну, а если говорить конкретно, то первым здесь еще в двадцатые годы возник АЗЛ – Авиастроительный завод имени, конечно, Ленина, потом Авиамоторный имени Октябрьской Революции, затем Бетонный и стройматериалов – ведь для взлетов и посадок тяжелых самолетов пришлось все-таки бетонировать ВПП, да и людям нужно было строить жилье. Бурный рост советской авиации, а затем космонавтики требовал все больше и больше летчиков, авиамехаников, диспетчеров и других авиационных специалистов, и правительство не жалело денег на их подготовку. Еще в 1944-м, едва немцев откатали от Волги, здесь основалось Высшее авиационное училище имени героя Николая Гастелло, позже переименованное в училище имени Юрия Гагарина. Огромные учебные корпуса, оборудованные по последнему слову тогдашней техники, с тренажерами всех видов самолетов, учебные классы, спортивные сооружения, общежитие для курсантов, административный корпус и собственный учебный аэродром с музеем летательных аппаратов и своим учебным авиапарком. Короче – летай не хочу...

Впрочем, вру – летать тут как раз хотели все, даже уборщица Екатерина Осина. И потому, драя по утрам лестничные пролеты, полы и подоконники административного корпуса, Катя с острой завистью смотрела издали на стадион. Там Егор Спешнев – тот самый парень, который высадил ее из своего «жигуленка», – крутил на турнике «солнышко», его сокурсник и толстяк Микола Гринько с открытым ртом столбенел при виде пробежавшей мимо худенькой Гюльнары, а второй сокурсник, грузин Вахтанг Микеладзе, увидев пышногрудую Марину, просто рухнул с гимнастических колец на землю...

Катя выжала половую тряпку и увидела того, кого каждое утро в 07:55 поджидала на лестнице административного корпуса.

– Валерий Иванович, здравствуйте! Ну, пожалуйста! Разрешите мне ходить на занятия! Вольнослушате...

– Отстань! – «Жан Рено» хотел проскочить мимо нее. – Скажи спасибо, что тебя уборщицей взяли.

Но Катя, загородив ему дорогу, не двигалась с места.

– Я лучше всех буду учиться!

– Осина, – осерчал «Рено», – ты меня достала!

– Еще нет, Валерий Иванович. Но я расту. Я уже на полсантиметра выросла!

– Да ну тебя! – все-таки обошел ее замректора и скрылся в своем кабинете.

– Всё равно я буду здесь учиться! – вслед ему крикнула Катя.

Потом у курсантов начинались занятия – физика, математика, английский, воздушное право... А Катя, домыв пол в ленинском уголке, доставала из кармана халата крохотную иконку

Николая Чудотворца, ставила ее рядом с книгой «Новое мышление» М. С. Горбачева и Постановлениями XXI съезда, опускалась на колени на еще мокрый пол и, оглядываясь на дверь, шептала:

– Ну, прошу тебя, святой, сотвори чудо...

И что вы думаете? Хотите – верьте, хотите – нет (это, как говорится, ваше личное дело), но уже в декабре, то есть всего три месяца спустя после начала занятий, Катя снова сидела в кабинете ректора училища. На столе перед ректором лежала стопка распечатанных почтовых конвертов и тетрадных листов, исписанных ровным женским почерком.

– Четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать... – считал генерал эти конверты. – Ну, ты даешь, Осина! Шестнадцать писем министру авиации! Думаешь, ему делать больше нечего, как твои письма читать?

Катя молчала. Она еще не знала непреложного правила высшей бюрократии спускать жалобы тому, на кого эти жалобы были написаны.

Ректор взял одно из ее писем и прочел вслух:

– «В то время, как по призыву генерального секретаря Коммунистической партии во всей стране происходит перестройка, ускорение и новое мышление, в Приволжском летном училище сохраняются старые нормы приема на пилотов – ростом только выше ста шестидесяти пяти сантиметров...» – Ректор поднял глаза на Катю. – То есть я консерватор? Да или нет?

– Я выросла, – ответила Катя. – На два сантиметра! Можете измерить. Хотите?

Ректор не отвечал. Он разглядывал Катю так, словно действительно измерял своим взглядом. Но не только рост, а еще, я бы сказал, и ее крохотный бюст, и тонкую шею... Потом вздохнул:

– Ладно... Так и быть... Я разрешу тебе посещать занятия.

– Ой! – вскочила Катя. – Спасибо...

– Подожди, – перебил ректор. – Ты можешь их посещать при условии, что останешься уборщицей.

– Как это? – изумилась Катя.

– А так, – сказал он жестко. – Летать все хотят, а полы мыть некому.

Глава 6

Столовая гудела от голосов обедающих курсантов. В углу, на кронштейне под потолком, находился телевизор, Горбачев сообщал о выводе советских войск из Афганистана. А Катя, Гюльнара и Марина стояли со своими подносами в очереди у стойки раздачи блюд.

– Блин! – говорила Гюльнара. – Полгода никаких полетов! Сплошные классные занятия!

Катя, первой взяв себе пару блюд и заплатив, отошла с подносом от кассы, искала глазами свободный столик. Но все столы были заняты, только за одним проглядывал свободный стул. Катя направилась к этому столу.

– Ребята, тут свобод...? – И осекалась, увидев, что один из сидящих за этим столом – ее знакомый Егор Спешнев.

– Садись, – пожал плечами Егор. – Мягкой посадки.

Двое других – Вахтанг и Микола – прыснули от смеха.

Но Кате уже деваться некуда, она поставила свой поднос и села.

– Спасибо. Приятного аппетита.

Тут мимо них в поисках свободного места прошла Гюльнара с подносом в руках. Микола восхищенно посмотрел ей вслед.

– Оце шахиня!

Действительно, Гюльнара – высокая, стройная и с черными оленьими глазами – выглядела восточной принцессой из диснеевской мультипликации.

Катя закрыла глаза, шепотом произнесла короткую молитву и быстрым жестом перекрестила свою тарелку с супом.

Егор и его сокурсники изумленно посмотрели на это.

А она, не смущаясь, принялась за еду – зачерпнула горячий суп и подула на ложку.

– Я нэ поняв, – сказал Микола своим друзьям. – У нас училище чи эта... сэминарийя?

– А тебя как звать, монашка? – спросил Вахтанг.

Катя снова подула на ложку с супом и только после этого подняла глаза на Вахтанга:

– Вообще-то, мне папа рассказывал, что летчики, знакомясь, сначала называют себя.

Вы летчики?

– Мы-то летчики... – начал Вахтанг, но тут же отвлекся на проходящую мимо них Марину. – Вах!.. – И повернулся к Кате: – Это твоя подруга, да?

– Да, это Марина.

– Передай от меня: поднос ей не нужен.

Катя непонимающе захлопала ресницами.

– Она тарелки можэ на грудях носить, – объяснил Микола.

– Нет! – сказал Вахтанг. – Я буду ее подносом!

– Очень смешно, – саркастически заметила Катя. – Вы лучше скажите, когда у нас полеты начнутся. На втором курсе или на третьем?

– А ты не дождешься полетов, – усмехнулся Егор.

– Это еще почему?

– А вы все трое не дождетесь. – И он впервые посмотрел ей прямо в глаза.

Она не отвела взгляда:

– С чего бы это?

– А понесете, – заявил он с вызовом. – Ну, забрюхатите и свалите отсюда.

Катя продолжала смотреть ему в глаза. Потом встала. Подняв свою тарелку с горячим супом, плеснула этим супом Егору в лицо и ушла.

Назавтра Егор – всё лицо в волдырях и мази от ожога – а также Микола, Вахтанг и Катя стояли перед ректором в его кабинете.

– Ну, рассказывайте, – сказал ректор. – Кого отчислять? – И поочередно посмотрел на Катю, Егора, Миколу и Вахтанга.

– Меня, товарищ генерал! – после короткой паузы разом сказали и Катя, и Егор.

Ректор удивленно посмотрел на обоих.

– Я ей нагрубил, – объяснил Егор.

– Я его супом облила, – сказала Катя.

– Ну-ну... – протянул ректор и спросил у Егора: – Ты забыл, что я тебя взял условно?

Егор молчал.

– И вообще, – сказал ректор, – вы же проходили экзамены на выдержку... А представьте, что это у вас в полете происходит. Вы – экипаж, у вас за спиной сто сорок пассажиров. Ты, Спешнев, командир, а ты, Осина, штурман или второй пилот.

– Ужас! – заметил Микола.

– А я с ней не полечу, – сказал Егор.

– А тебя никто не спросит, – ответил ректор. – Назначат в экипаж, и полетишь. Но я не об этом. Если один нагрубит другому, то... – он показал на лицо Егора, – в воздухе это уже не ожог. Это... ну? Что?

– Авария, – догадался Вахтанг.

– Вот именно, – сказал ректор. – Гибель ста сорока пассажиров и экипажа. Понятно?

– Так точно, товарищ генерал! – вразнобой заверили его все четверо.

– И вообще... – задумчиво продолжал ректор. – Кто такой летчик? А? Летчик – это небожитель... это единственный человек, под которым вращается земной шар. Понимаете? Вы – если, конечно, доучитесь – будете летать на высоте десять километров. А под вами Земля медленно так вращается, уплывает под вас... Представляете? И если смотреть оттуда, с неба, то по сравнению с этим кайфом полета – ну, что какие-то личные претензии, обиды? А? – И вдруг резко сменил свой тон: – Идите с глаз моих!

Катя, Егор, Микола и Вахтанг направились к двери.

– А ты, Осина, останься.

Егор, Микола и Вахтанг вышли из кабинета, закрыли дверь.

– Я всё поняла, товарищ генерал, – сказала Катя.

– Нет, не всё. Садись... – И, подождав пока она села, ректор продолжил: – Я понимаю, что трем девушкам нелегко быть в этом мужском табуне. Но... вы должны – и передай своим подругам, – вы должны помнить, что от вас зависит, будем мы впредь принимать девушек на лётное или не будем. Понимаешь? Тысячи девушек хотят летать. Вы им или откроете дорогу, или...

Выйдя из кабинета ректора, Катя пересекла коридор, свернула на лестницу и... наткнулась на Егора. Он стоял на лестничной площадке, нервно курил «Приму» и явно ждал тут ее, Катю. Опустив глаза, она хотела пройти мимо, но Егор заступил ей путь.

– Подожди.

Она остановилась.

– Я... – сказал он, гася сигарету. – Я хочу извиниться...

Катя молчала. Потом все-таки сказала:

– Ну? Так извиняйся.

– Как? – спросил Егор.

Катя пожала плечами:

– Не знаю. Становись на колени.

– Чего? – возмущенно протянул Егор. – Обалдела?

– Сам дурак! – сказала Катя и, отодвинув Егора, сбежала по лестнице.

– Не дождешься! – крикнул ей вслед Егор, перегнувшись через лестничные перила.

Глава 7

Тем временем где-то далеко от Приволжска происходили всякие крупные и мелкие исторические события: в Польше пришла к власти «Солидарность», в Чехословакии – бывший диссидент Вацлав Гавел, а в Румынии коммуниста-президента Чаушеску расстреляли. Поближе, в СССР, перестройка набрала такую скорость, что от него стали одна за другой отлетать целые республики – Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Грузия, Украина... А бывшие «братские» Азербайджан и Армения начали настоящую войну за Нагорный Карабах. В Ферганской долине случилась Ошская резня, в Крыму – драки и битвы между вернувшимися крымскими татарами и русскими, а в Северной Осетии – между осетинами и вернувшимися ингушами.

Но в Приволжске ничего такого пока не происходило. Егор, Вахтанг и Микола в числе других старшекурсников летного отделения проходили стандартные занятия на диспетчерских тренажерах «Навигатор» и «Эксперт», в классах предполетной подготовки – на тренажере «Як-18Т» и тренировки по прыжкам с парашютом. И в столовой училища была обычная сутолока, хотя, если честно, перестройка обеденного меню весьма огорчала желудки курсантов – из него напрочь исчезли мясные блюда, а всякие свекольники и вегетарианские щи слабо утоляли юношеские аппетиты.

Однако не это остановило Катю, Марину и Гюльнару в дверях столовой. Встав в кружок, они смущенно считали свои деньги.

– Получается только два комплексных обеда на троих, – сообщила Гюльнара. – А до стипендии еще три дня...

– Кать, займи у Егора, – предложила Марина.

Катя не поняла:

– У какого Егора?

– Ну, какого! Спешнева! – объяснила Гюльнара.

– С ума сошли? Да ни за что!

– Ладно! – сказала Марина, повернулась и решительным шагом вошла в столовую.

– Ты куда? – спохватилась Катя.

Но Марина, не отвечая, уже подошла к столику Егора и его друзей.

– Здравсьте, приятного аппетита!

Вахтанга появление Марины так ошарашило, что он поперхнулся салатом из капусты. А Микола и Егор смотрели на нее выжидающе.

– Ребята, – сказала Марина, – вы не можете нам до стипендии дать взаймы хоть сколько?

– Дать взаймы чего? – не понял Микола.

– Ну, денег, – пояснила Марина. – Мы отдадим, честное слово!

Вахтанг поспешно полез в карман, достал всё, что там было, и положил на стол:

– Конечно! Вот! Всё забираи!

Микола, поколебавшись, достал свои.

Но Егор, поправив воротник своей линялой желтой штормовки, накрыл эти деньги рукой.

– Минуту. Ты садись. Тебя как звать?

Марина присела на край стула.

– Я Марина Голубева, первый курс, сто шестая комната. Мы отдадим. Хотите расписку?

– Зачем расписку? – возмутился Вахтанг. – Так бери! Всё забираи!

– Да подожди ты! – сказал Егор и повернулся к Марине: – А вы по утрам когда просыпаетесь?

– Мы? – удивилась Марина. – В шесть пятнадцать. А что?

– Каждый день? – спросил Егор.

– Ну, да. А что?

Егор вздохнул:

– А нас даже будильник не берет. А давай так: вы будете нас будить. Две недели. – И он убрал свою руку от денег. – И ты забираешь эти деньги без отдачи. Идет?

Марина посмотрела на деньги, затем на Егора, Вахтанга и Миколу и снова на деньги.

– Да легко! – сказала она. – Чо там!

И забрала деньги.

– Нет! Как ты могла на это пойти? – возмущалась Катя, строча на швейной машинке в их сто шестой комнате общежития. Курсантская форма, которую она выпросила наконец у «Жана Рено», была настолько ей велика, что ее пришлось целиком распороть и урезать вдвое.

– А что такого? – Лежа на койке под портретами Цоя и других идиолов конца восьмидесятых, Марина штопала свои колготки и зубрила выписанные в блокнот английские термины: – Поворот – turn... Будем по очереди стучать им в дверь и уходить. Вот и всё... Разворот – u-turn...

– Да я лучше голодать буду! – сказала Катя.

Марина повернулась к Гюльнаре, стоявшей у подоконника:

– А ты?

На подоконнике на включенной электроплитке грелась жестяная банка с «ваксом». Помешав палочкой эту смолу, длинноногая Гюльнара поднесла палочку к своей упертой в подоконник и оголенной до причинного места ноге, намазала смолой ляжку у самого верха, затем приложила к смазанному месту кусок бязевой тряпки, прижала и тут же резко, рывком оторвала. Бязь отошла от кожи вместе со смолой и волосками, ляжка стала идеально чистой и гладкой.

– Я восточная женщина, – ответила Гюльнара. – Я на мужской этаж не могу идти.

– Интересно! – усмехнулась Марина. – Как эпиляцию делать, так ты эмансипированная. А как подняться к мужикам на этаж, так – забитая женщина Востока.

В результате по утрам подниматься на мужской этаж пришлось Марине. В 6:15, когда звенел будильник, Марина, не открывая глаз, выключала его сонной рукой, затем трясла головой, заставляя себя встать, набрасывала халатик и находила ногами тапочки. Поглядев на спящую Гюльнару и пустую раскладушку Кати, она выходила из комнаты, сонно брела по пустому коридору общежития, сворачивала на лестницу. Как всегда в это время, Катя мыла тут лестничные ступени и площадки. Переступая тапочками через лужи, Марина поднималась на мужской этаж.

– Стой! – говорила Катя. – Ты хоть запахнись! Сиськи растеряешь.

– Я их ненавижу, – сонно сообщала Марина.

Катя подходила к ней, застегивала на ней халатик.

– Кого? Мужиков или дыньки свои?

– И тех, и этих...

– Иди уж, – перекрестив Марину, говорила Катя. – С богом!

Марина сворачивала с лестницы в коридор третьего, мужского этажа. Здесь из-за каждой двери был слышен молодецкий храп.

Марина трусливо пробежала мимо этих дверей к двери № 320. Прислушивалась и осторожно стучала. Никто не отвечал. Озираясь, Марина стучала снова. Ответа нет. Она беспомощно оглядывается. Издали, из глубины коридора, Катя, стоя на стреме, делала ей знак рукой – мол, толкай дверь. Марина жала на дверную ручку, и дверь открывалась. В комнате с окном, распахнутым в розовеющий рассвет, на трех койках спали полуобнаженные Егор, Вахтанг и Микола. И Марина замирала, невольно любуясь мускулистым торсом Вахтанга.

Но тут Вахтанг открывал глаза и встречался с глазами Марины.

Долгую секунду они проникающим взглядом смотрели друг другу в глаза, как два юных оленя на лесной тропе.

Затем Вахтанг медленно тянул руку к Марине.

Но Марина, придя в себя, говорила нарочито грубо и громко:

– Подъем!

И убегала, хлопнув дверью.

Глава 8

Описывать учебный процесс утомительно, а читать о нем еще скучней. Зато всякие казусы, нарушающие этот процесс, с годами становятся частью летного фольклора, обрастают нереальными подробностями и превращаются в мифы. Но, присягнув читателю на документальность повествования, автор провел собственное расследование и теперь излагает только проверенные факты.

Итак, факт номер один. Однажды, когда старшекурсники отрабатывали прыжки с парашютом, а первокурсники и, соответственно, первокурсницы на том же учебном аэродроме, но в другом его, конечно, конце только учились складывать парашюты, произошло следующее. Группа курсантов (среди них Вахтанг, Микола и Егор в своей желтой штормовке) загрузились

в Ан-2, взлетели и чуть погодя черными точками посыпались с неба на летное поле. Затем один за другим стали раскрываться купола их парашютов, на них жирными восклицательными знаками зависали курсанты, и только одна желтая точка, опережая парашютистов, неслась к земле, не открывая парашют.

Первокурсники замерли.

Катя, побледнев, вцепилась руками в рукава подруг.

Поодаль желтая точка, обогнав парящих на парашютах курсантов, стремительно пронеслась без парашюта вниз и грохнулась о землю.

Катя упала в обморок.

А Егор, приземлившись на своем парашюте рядом со своей желтой штормовкой, спокойно поднял ее с земли – она была надета на какой-то тяжелый рюкзак. Остальные курсанты, тоже приземлившиеся рядом с этой мишенью, собрали свои парашюты, подошли к первокурсникам и со смехом наблюдали, как Марина и Гюльнара приводят в чувство Катю. Вахтанг хохотал громче всех.

Марина выпрямилась, шагнула к Вахтангу и вlepила ему пощечину.

– Сволочи!

– Еще! – вдруг сказал Вахтанг.

Марина, не задумываясь, врезала ему еще раз.

– Еще! – сказал Вахтанг.

Марина ударила снова и, уже рыдая, стала кулаками колошматить Вахтанга по груди.

Вахтанг счастливо улыбался.

Факт номер два. Как-то на очередном утреннем построении «Жан Рено» объявил:

– Товарищи курсанты! Вы, конечно, знаете, что происходит в стране. Армия сокращается, военные училища тоже. Но напрасно стервятники Вашингтона радостно потирают руки. Мы не собираемся уменьшать готовность страны к обороне. В нашем училище создается военная кафедра, мы будем готовить из вас летчиков широкого профиля...

И буквально завтра курсанты, построенные поротно, уже маршировали по стадиону, как на армейском плацу. Инструктор командовал по-армейски:

– Раз-два! Раз!.. Раз-два! Раз!.. Тяни носок! Выше!.. Запевай! «Вот новый поворот...»

Вбивая ботинки в гаревую дорожку стадиона, курсанты грянули хором: «Что он нам несет? Омут или брод?..»

Пристроившись к последнему ряду, с ними маршировала и Катя – маленького росточка, нелепая в своей самопальной форме, но абсолютно серьезная и старательная.

Выведя марширующих курсантов за ворота училища, инструктор неожиданноскомандовал:

– Отставить песню! Направляющий, шаг на месте! Внимание! Марш-бросок десять километров! За мной бегом – марш!

Курсанты нестройной колонной побежали за инструктором. Он повел их к реке – через кустарники, по песку, вниз по оврагам. И вдоль реки. И опять вверх по косогору.

Тут многие стали выдыхаться, колонна растянулась, кто-то отстал и упал на землю. И вот уже от колонны осталась половина... треть... вот рухнули Микола и Вахтанг...

Но Катя, хоть и последняя, продолжала бежать, не сдаваясь. И только когда Егор, не дотянув до финиша метров двести, тоже упал в выжженную солнцем траву и чертополох, она остановилась, упала рядом с ним.

– В чем дело? Тебе плохо?

– Отстань! – выдохнул Егор. – Беги!

Но она не отставала:

– Что с тобой?

– Отвали!..

Тут – уже пешком – подошли Микола и Вахтанг.

– Оставь его, – сказал Вахтанг и вместе с Миколой стал поднимать Егора.

– А что с ним? – не унималась Катя.

– Та вин же афганец, – сказал Микола. – У него ранение було, у легкое. Его условно взяли в училище...

– Заткнись! – приказал ему Егор и, злобно зыркнув глазами на Катю, побрел к финишу – к воротам училища.

Факт номер три. Помните, как в фильме «Старшая сестра» Доронина с придыханием произносит монолог: «...Вы любите театр? Я хочу спросить, вы любите театр, как люблю его я...»? Почти с таким же придыханием каждый летчик вспоминает свой первый самостоятельный полет. И потому...

– Запомните этот день! – сказал старшекурсникам «Жан Рено» и оглянулся по сторонам: – Вообще, братцы, скажу вам как мужикам. Не каждый из нас помнит свою первую женщину. Но! Каждый летчик – на всю жизнь – помнит свой первый полет. Это железно. И сегодня у вас такой день...

– Ура! – крикнули старшекурсники, стоя на учебном аэродроме у Як-18.

– Отставить! – сказал «Жан Рено» – По экипажам – рассчитайсь! Первый экипаж?

– Гринько и Микеладзе!

– Второй экипаж?

– Швырев и Венделовский.

– Третий экипаж?

– Селиванов и Казачков...

– Итак, – сказал «Рено», – каждый экипаж имеет двенадцать минут самостоятельного полета. То есть взлетели, сделали круг над аэродромом и зашли на посадку. Имейте в виду: посадка – самое сложное. Кто сядет «козлом», то есть с подскоком, получит неуд. Первый экипаж – приступайте!

Микола и Вахтанг поднялись в самолет с бортовым номером 42, заняли места командира и второго пилота.

«Жан Рено» кивнул Егору на второй самолет.

– Спешнев! Со мной... – И поднялся во второй Як-18 с бортовым номером «44», спросил в ларинг: – Сорок второй, как слышите? Прием.

Сидя в переднем кресле командира Як-18, Микола доложил:

– Сорок четвертый! Вас слышу, к полету готов! Разрешите исполнительный старт. Прием.

– Сорок второй, – сказал «Жан Рено». – Исполнительный старт разрешаю. Прием.

Микола и Вахтанг взяли карты-инструкции и вслух перечислили каждый этап взлета и функции всех приборов. Эта так называемая «молитва» обязательна для любого взлета и посадки и свято выполняется всеми пилотами мира. «Жан Рено» и Спешнев в своем самолете сделали то же самое.

Издали, из разных концов аэродрома курсанты младших курсов следили за ожившими самолетами.

Вот Як-18 с бортовым номером 42 тронулся и выкатил на ВПП – взлетно-посадочную полосу. Следом, на расстоянии сотни метров, катил второй Як с бортовым номером 44. Микола выжал педали тормоза, самолет остановился, и Микола получил у диспетчера разрешение на взлет. Неожиданно для самого себя вдруг перекрестился, перевел РУД (рычаг управления двигателем) на режим для взлета. Стошестидесятисильный двигатель тут же взревел на полную мощь, и маленький Як-18 затрепетал, пытаясь сорваться с места.

Микола плавно отпустил тормозные педали.

Самолет тронулся и побежал по взлетной полосе.

Глядя на ВПП, оба – и Микола, и Вахтанг – затаили дыхание. Полоса улетала под винт и обтекатель кабины всё быстрее и быстрее... Уже виден ее конец... Еще чуть-чуть, и она кончится...

– Давай! – закричал сзади Вахтанг. – Тонгаж восемь градусов! Давай!!!

Микола потянул штурвал на себя.

Закрылки тут же изменили положение, колесо переднего шасси оторвалось от земли и – буквально на последних метрах полосы – самолет резко взмыл вверх!

Несказанный кайф полета тут же опьянил и Вахтанга, и Миколу – их машина, качая крыльями, летела к облакам, к солнцу! Хохоча, оба восторженно закрутили головами по сторонам, забыв о земле и ощущая себя полными хозяевами неба, воздуха, самолета.

Голос «Жана Рено» вернул их если не на землю, то к реальности.

– Сорок второй! – прозвучало в наушниках. – Разворот на сорок градусов и облет аэродрома! Повторяю...

– Сорок четвертый, – доложил Микола, – вас понял, есть разворот! – И повернул штурвал на разворот.

– Давай «бочку»! – возбужденно крикнул ему Вахтанг. – Сделаем «бочку»! Давай! – И с силой дожал штурвал так, что самолет перевернулся вверх шасси.

Внизу, на летном поле, все замерли, глядя на этот трюк.

А в кабине Як-18 Микола и Вахтанг повисли на ремнях вниз головой. И теперь ни тот, ни другой не доставали ногами до педалей.

– Блин! – в панике закричал Микола. – А как выйти из «бочки»? Я не знаю...

– Я... я тоже... – растерялся Вахтанг.

Як-18 летел вверх шасси. В кабинах, болтая ногами, оба пилота продолжали бессильно висеть на ремнях.

Среди наблюдателей на земле больше всех переживали Марина и Гюльнара – вцепившись в друг друга, они не отрывали глаз от сорок второго Яка.

Но тут рядом с ним оказался самолет с бортовым номером 44.

Глядя на паникующих Миколу и Вахтанга, «Жан Рено» сказал в микрофон:

– Сорок второй! Без паники! Энергичней штурвал по ходу вращения самолета! Выполняйте!

Факт номер четыре. По понедельникам, средам и субботам единственная в общежитии душевая была с шести до восьми вечера отдана девушкам. И здесь, во время водных процедур, ими были сделаны следующие уточнения относительно одного из курсантов-старшекурсников.

– Как вы думаете, почему он такой вредный? – стоя под душем и вроде бы вскользь спросила Катя.

– Кто? – переспросила Марина.

– Ну, кто! Егор, конечно...

– Он не вредный, он злой, – заметила Гюльнара.

– То есть? – замерла Катя.

Гюльнара ошпарила лавку горячей водой, потом улеглась на ней и сообщила:

– Значит, так. Твой Егор первый раз поступал сюда семь лет назад. Но по конкурсу не прошел, ушел в армию. А тут у него невеста осталась, он ее любил без памяти, и она клялась ждать его до дембеля. В армии он попал в десантуру, прошел три месяца лагерей и с первым десантом прыгал на Багдад. Два месяца воевал там с душманами, получил осколочное в легкое, и вместе с другими ранеными его спецрейсом привезли сюда, в госпиталь. И тут, когда их, раненых, везли с аэродрома мимо парка имени Космонавтов, он увидел дискотеку, а на дискотеке – свою невесту. Она ему за полгода ни одного письма не прислала, а вместо этого

зажигала тут на дискотеке. Ну, и не только. Свербело у нее... С тех пор он всех женщин ненавидит вусмерть. Понятно?

– А ты это откуда знаешь? – поинтересовалась Марина.

– А мне Микола рассказал.

– То есть у тебя с Миколой?..

– Да, – сказала Гюльнара. – У меня с Миколой то же, что у тебя с Вахтангом. Катя, что с тобой?

– Ничего... – отвернувшись и утирая слезы, сказала Катя.

И той же ночью решилась наконец на самый отчаянный поступок за все время своего пребывания в училище. В час ночи, domыв полы в тренажерном зале, она, крадучись, словно кто-то мог увидеть ее в совершенно пустом учебном корпусе, подошла к тренажеру самолета Як-18... потом к тренажеру Ан-24... потом – к Ту-134... Но на Ту-134 духу у нее не хватило, и она вернулась к тренажеру Ан-24, поднялась к нему по короткой металлической лесенке, на верхней площадке включила несколько тумблеров на щите управления и решительно шагнула в пилотскую кабину. Большая, в натуральную величину кабина самолета была нафарширована приборами. Слева и справа стояли кресла для бортинженера и штурмана-радиста. А впереди – кресла командира самолета и второго пилота. Приборная панель, плексигласовые окна...

Словно во сне, Катя сомнамбулой пробралась на командирское место, села, нащупала рукой рукоятку управления креслом, отжала ее, выкатила это кресло вперед до отказа и положила левую руку на штурвал, а вторую на РУДы (рычаги управления двигателями). Прислушалась, но грохот собственного сердца заглушал все остальные звуки. Катя медленно протянула руку к одному тумблеру, к другому и последовательно включила все бортовые системы. Загорелись приборы, заметались стрелки, взревели двигатели, и за окнами кабины включилась видеопанорама, имитирующая цепочку огней на ВПП и ночной аэродром.

Катя сползла по креслу чуть ниже, двумя ногами дотянулась до педалей тормозов, а правой рукой нажала на РУДы. В ответ послышался рев двигателей, набирающих обороты.

Затаив дыхание, Катя убрала ноги с тормозов и увидела, как впереди, за окнами кабины сорвалась под ней освещенная боковыми огнями ВПП и стремительно полетела под нос самолета. Схватив двумя руками штурвал, Катя собралась взлетать, но тут...

Резко зажегся свет во всем тренажерном корпусе.

Катя испуганно замерла и вжалась в кресло.

В распахнутой двери тренажерного зала мужские ботинки споткнулись о Катину ведро с водой, ведро опрокинулось, вода разлилась по полу. Мужской голос выругался и спросил:

– Блин! Что тут происходит?

Разбрызгивая воду ботинками, ректор направился к тренажеру Ан-24.

– Я спрашиваю: кто включил тренажер?

И, поднявшись по лестнице на тренажер, он увидел Катю. Она сидела в командирском кресле ни жива ни мертва.

– Та-ак... – сказал он. – Осина... Ну? Что с тобой сделать?

Катя закрыла глаза:

– Бейте...

Ректор молчал. Перед ним была сжавшаяся, как птаха, девчонка с закрытыми глазами и дрожащими губками.

Трудно сказать, о чем подумал ректор в этот момент. Возможно, в нем мужчина боролся с генералом-администратором. Но победил последний.

– Дура! – сказал он и, резко повернувшись, ушел.

Глава 9

И было тридцатое июня, выпускной день и вечер. С самого утра – громкая музыка, цветные шары, шум возбужденных голосов. Все училище построено в каре, с трибуны ректор поздравлял выпускников:

– ...И хотя пилотами вы стали не в самый удачный для нашей авиации час, небо все равно одно – такое же, как было над Советским Союзом, а теперь над СНГ, Кавказом и даже над Африкой. И я уверен, что это небо будет за вами!

Выпускники – среди них Егор, Микола и Вахтанг – кричали «ура!» и получали дипломы об окончании Высшего авиационного училища, летные свидетельства и выпускные аттестации.

А вечером в городском кафе «Волжанка-7» местный джаз-банд играл свадебный марш, и Вахтанг торжественно вывел на сцену пышногрудую Марину в белой фате. Стоя за праздничными столами, кавказские гости и курсанты – среди них Катя и Гюльнара – радостно кричали: «Горько!», Вахтанг и Марина слились в поцелуй, музыканты грянули лезгинку и только таким образом оторвали жениха от невесты – Вахтанг закружил вокруг нее в танце. А в конце вечера Егор вдруг взял гитару и спел песню собственного сочинения:

*Мы ангелы, парящие над миром,
Летящие по Млечному Пути!
Наш курс проложен огненным пунктиром,
И нам с него вовеки не сойти!
Оторвись от земли, оторвись
В ослепительно чистую высь!
Кто во сне никогда не летал,
Тот с рожденья от жизни отстал!
Смерть любому подарит полет,
Но блажен, кто живет напролет!
Кто летит, тот живет, тот живет!
Кто живет, тот уходит в полет!..*

Глава 10

Но после июня наступает июль, а затем и август. Август девяносто первого помнят, я думаю, все: Ельцин на танке у Белого дома... Провал ГКЧП... Горбачевы прилетают из Фороса... Беловежская Пуща, свержение Горбачева и окончательный развал СССР...

Именно в этой сумятице новоиспеченные летчики Егор, Вахтанг и Микола в поисках работы обивали пороги в «Аэрофлоте», в Шереметьевском аэропорту, в Министерстве авиационного транспорта, во Внукове, в отряде ЦУМВС (Центральное управление международных воздушных сообщений)...

Но всюду чиновники только разводили руками: какая работа, когда все развалилось?! Самолеты расхватали республики, ставшие независимыми, горючки нет, летать не на чем...

Но тут в коридоре ЦУМВС к нашим героям вдруг подошел тридцатипятилетний мужик с физиономией кота Матроскина и сказал интимно:

- Пацаны, работа нужна?
- Ну, смотря какая... – на правах старшего «солидно» ответил Егор.
- Летная. Короче, есть самолет, стоит в Молдавии. Нужен экипаж. Годится?

Назавтра они уже сидели в вагоне-ресторане поезда Москва – Кишинев – Бухарест и с аппетитом голодной студенческой юности поглощали дармовые шашлыки и молдавское вино, которое подливал им этот «Матроскин». За окном хороводили пологие Карпатские горы.

– Моя фамилия Бабюк, – говорил «Матроскин», – но все зовут меня Шумахер...

А еще через день армейский «газик» с Шумахером за рулем, подпрыгивая на ухабах, въезжал на аэродром со следами недавнего присутствия Советской армии – брошенные казармы несколькими целыми оконными стеклами отражали солнце, и на раскуроченных бэт-эрах и «уралах» еще не полопалась зеленая краска. Впрочем, потрескавшаяся бетонка ВПП уже заросла сорной травой.

Прокатив мимо трех наполовину разобранных вертолетов Ми-4 (бригада техников, разбирающих эти вертолеты, складывала в ящики разобранные части фюзеляжа, двигатель и прочие детали), «газик» подкатил к одинокому Ан-26 с яркой свежей надписью на борту: KARPATY-AIR.

Шумахер с гордостью показал нашим героям на самолет.

– Ну! Красавец!

И завернул свой «газик» к хвосту самолета. Здесь техники с помощью БПК (бортовой погрузочный комплекс) загружали в самолет ящики с разобранными частями Ми-4.

– Прошу принять машину! – с широким жестом сказал ребятам Шумахер.

В просторной грузовой кабине транспортного Ан-26, предназначенного для перевозки и десантирования грузов, была произведена явно самодельная реконструкция. Впереди прямо к ее дюралевому полу были, как в пассажирском самолете, не то приварены, не то привинчены на саморезах четыре ряда разнокалиберных кресел, снятых, по всей видимости, с рейсовых автобусов. От остальной грузовой кабины этот самодельный «пассажирский салон» был отделен раздвижным брезентовым пологом. Впрочем, вдоль бортов были сохранены дюралевые сиденья десантников, а под потолком – грузовая кран-балка и другие агрегаты БПК.

Шумахер с гордостью объяснял:

– Самолет, конечно, десантный, транспортный. Но мы его переделали. Теперь это пассажирско-грузовой с салоном первого класса! Причем, смотрите, вот так я накрываю эти кресла брезентом, и – вперед, можем и сверху хоть тонну груза ложить! – А поднявшись в пилотскую кабину, продолжал: – Крейсерская скорость – 440 километров, дальность полета с грузом 5,2 тонны – 740 километров, а без груза и при полных баках – 2200 километров. Потребная длина ВПП – тысяча восемьсот метров. Что вас еще интересует?

– Чей это самолет? – настороженно спросил Егор.

– Та вы ж прочитали! – воскликнул Шумахер. – Приватная молдавская компания «Карпаты-эйр»! Мы с вами берем эту машину у них в аренду, возим грузы по всему миру, половину с выручки отдаем за аренду, а половину делим промеж собой. Вы знаете, какие это бабки?

Егор, Микола и Вахтанг переглянулись.

– Но тут экипаж – четыре человека, – заметил Вахтанг.

– А нас трое, – сказал Микола.

– Не, нас четверо, – ответил Шумахер, садясь в кресло бортинженера. – Ты, Егор, будешь командир, вы двое – второй пилот и штурман, а я – бортинженер и флайт-менеджер. Пацаны, я же вам сказал: моя фамилия Бабюк, но все зовут меня Шумахер! И я вам даю слово Шумахера – через год мы будем миллионеры! – И он требовательно протянул руку: – Давайте паспорта! Мне нужно вам загранвизы оформить...

– А куда летят эти ящики с Ми-4? – все еще колеблясь, спросил Егор.

– «Куда-куда»! – ответил Шумахер. – С нами полетят! Это ж металлолом, брошенный! А можно на запчасти пустить. Давайте паспорта! Ну!

Егор посмотрел на командирское кресло. Оно было совсем рядом – пустое, свободное! И Егор – почти неосознанно – сел в него, положил руки на штурвал.

Глава 11

Мало кто знает, что после развала СССР Африка стала полем новой «золотой лихорадки». Постоянно воюющие друг с другом африканские вожди освободительных прокоммунистических и антикоммунистических революций Анголы, Гвинеи, Мозамбика, Габона, Берега Слоновой Кости и прочих стран этого лоскутного материка наперебой скупали любое оружие, которое легально и нелегально хлынуло сюда с армейских складов, оставшихся на территориях Украины, Казахстана, Киргизии и всех остальных стран бывшего СССР. Причем после АК-47 самым ходовым товаром были военные вертолеты и самолеты – на них торговцы оружием делали миллионы и даже десятки миллионов. А за преждевременное списание этой техники в утиль часть этих денег доставалась, конечно, армейским чиновникам самых разных рангов, вплоть до высших.

Но летать на этих вертолетах и самолетах африканцы еще не умели, и потому в девяностые годы небо Африки воистину, как и предрекал ректор Приволжского авиационного училища, досталось бывшим советским летчикам – молодым и не очень, – завербованным туда шумахерами разного рода и калибра.

– Вы, пацаны, не дрейфьте, тут жить можно! – говорил в Кении нашим героям африканский «старожил» Василий, командир почти такого же, как у них, Ан-24. – Работа есть, работы до хрена! Половина континента теперь на наших самолетах летает – украинских, белорусских, даже сыктывкарских...

Слегка прибалдевшие от жары и африканской экзотики, они сидели в баре аэропорта Найроби. Мощный вентилятор гнал по залу горячий воздух. Высокий чернокожий бармен-кениец принес в двух руках шесть кружек темного кенийского пива. Василий поднял свою кружку:

– Ну, за знакомство! Welcome to Africa! – И проводил взглядом юную чернокожую проститутку, походкой юной кобылицы прошедшую к барной стойке. – Бабы тут, правда, одни шоколадки. Но если предохраняться, то вполне. Конечно, пахнут они не по-нашему. А все остальное...

Тут в бар, выстроенный из тростника и густо украшенный африканскими масками и прочей местной экзотикой, вошел Шумахер. Утирая обильный пот, он плюхнулся на скамью рядом с Егором.

– Ну, жара! Африка, мать ее!.. – И, взяв первую попавшуюся кружку с пивом, жадно допил остаток, громко и облегченно выдохнул: – Ну, всё, пацаны! С почином! – Он достал из кармана деловые бумаги. – Первый контракт! – И глянул на улыбчатую чернокожую проститутку у стойки бара. – Извини, снегурка, не успеваем! Через сорок минут – вылет в Камерун!

– На чем? – удивился Микола. – У нас баки пустые.

– Обижаешь! – сказал Шумахер. – Моя фамилия Бабюк, но все...

– Шумахер, короче! – перебил Вахтанг.

– Ченч! – объяснил Шумахер. – Я им запчасти к Ми-4, они мне две тонны горючки! И мы в полете!

Глава 12

Господи, что они только не перевозили! Снабжали водой и продовольствием рабочих алмазных рудников. Раздавали гуманитарную помощь голодающим. Доставляли в джунгли медицинское оборудование по линии ООН и ЮНЕСКО. Транспортировали африканских животных в европейские зоопарки. Везли ящики с деньгами из Бельгии в Габон и Мозамбик, а первых «новых русских» – на африканские сафари. Ну, и – так далее. Жизнь была,

как бобслей в американских фильмах, насыщена дикой африканской экзотикой вперемешку с совковым бытом, организованным на борту Ан-26 скрягой Шумахером. Экономя даже на еде, Шумахер варил борщи в бортовом баке-кипятильнике, а сам в каждом приличном городе – Йоханнесбурге, Браззавиле, Хартуме и Аддис-Абебе – посещал местные банки, депозитируя там выручку от их работы...

«Африка очень красива своей погодой, – рассказывал мне один из пилотов, чья биография, в числе других, легла в основу этой правдивой истории. – Там грозы бывают порой до двадцати километров высотой. В России мы обычно обходим грозы верхом, а в Африке настолько плотным может быть грозовой фронт и такая густая дождевая облачность, что выше грозы подняться просто невозможно. А мы возили грузы для шахтеров, которые там добывали то ли алмазы, то ли еще какие-то цветные камни. Мы обеспечивали их продуктами и керосином. Но эти рудники находились в военной зоне, там из-за этих алмазов постоянно война идет. И вот с одной стороны посадочной полосы земля хозяев этих рудников, а с другой стороны – вражеская деревня, и отсюда заходить на посадку уже нельзя, сбить могут из тех же «Стингеров». А топлива нам хватало только туда и обратно, причем рядом никаких запасных аэродромов, одна пустыня и джунгли. То есть мы при любой погоде должны были прилететь и сесть вне зависимости, откуда ветер. И вот как-то мы прилетаем, а там гроза бешеная, чернота, молнии сверкают. Надо уходить, но куда. Снизились в это черное облако, стали подходить к развороту на посадку, и тут нас молния как шандарахнула! Куда она попала, не знаю, но был такой треск! Приборы отказали, самолет попал в нисходящий поток и начал падать, а внизу речка, и на речке эти шахтеры – то ли золото моют, то ли алмазы, черт их знает. И вдруг они видят, как самолет на них падает. Я уже всех своих родителей вспомнил – высота-то была всего четырехста метров, а самолет продолжает падать, и ничего не сделаешь. Страшно. Эти шахтеры стали разбегаться, как тараканы. При этом я знаю, что нисходящий поток рано или поздно должен закончиться – в природе нет пустоты, если здесь воздух идет вниз, то где-то обязательно пойдет вверх. Но где? Уже двести метров до земли, сто пятьдесят, сто! Автоматика женским голосом кричит: «Опасно! Земля! Pull up! Pull up!» А мы беспомощны, мы всё падаем! И только на высоте пятидесяти метров кончился этот нисходящий поток, начался восходящий, и мы сели на ВПП. Нам просто повезло! Бортинженер был у нас пожилой, он сказал: «Всё, если мы живые прилетим на базу, я собираю вещи и домой! Не нужна мне ни Африка, никакие деньги!» Вот в таких условиях приходилось работать...»

А теперь прошу вас в небольшую африканскую страну Мандугури. Ан-26 стоит на грунтовой ВПП в окружении непролазных джунглей. Жара, комары, рев слонов и крики обезьян в джунглях. Коровы пасутся на взлетной полосе. И гигантское черно-грозовое облако стремительно растет над землей и надвигается на аэродром. В пилотской кабине Егор, отмахиваясь от комаров, смотрит на часы, говорит Шумахеру:

– Всё! Или мы взлетаем, или – писец, нас накрывает этой тучей, как мышей!

Шумахер беспомощно разводит руками:

– Что я могу поделать? У нас контракт с президентом республики!

– Это у тебя контракт. А я...

Егор включает двигатели. Но в это время молния разрывает небо, первые капли дождя ударяют по фюзеляжу и – неожиданно до них долетает грохот приближающейся ожесточенной перестрелки. Из открытых окон кабины видно некое движение в джунглях, затем из зарослей вылетает на аэродром кортеж из трех черных джипов и нескольких БТР, которые на ходу отстреливаются от двух преследующих их «Виллисов». От удачных попаданий зажигательных пуль оба «Виллиса» взрываются, перестрелка прекращается, бэтээры берут самолет в оборонительное каре, а передний «джип» с ходу въезжает в самолет по хвостовому трапу и проезжает в глубь грузовой кабины к креслам так называемого пассажирского салона. Из «джипа»

выскакивают пятеро черных, как уголь, охранников, до зубов вооруженных АК-47 и «узи». Заняв круговую оборону, они жестом приглашают в самолет второй джип.

Тем временем тропический ливень накрывает аэродром, коровы разбегаются с ВПП, и Егор в бессилии выключает двигатели.

Второй джип по трапу-створке въезжает в грузовую кабину. Из этого джипа выскакивают еще трое вооруженных охранников, двое из них тут же вбегают в пилотскую кабину и берут экипаж под прицелы своих автоматов, а третий помогает выйти из джипа слоноподобному черному Президенту, сорокалетнему и лысому, как черный бильярдный шар. Видя, что в грузовой кабине уже нет места для третьего джипа, Президент что-то коротко приказывает охранникам, те криком передают его приказ на землю команде третьего джипа, и экипаж этого третьего джипа спешно, под дождем принимается вытаскивать из джипа небольшие, но тяжелые ящики и загружать их в самолет.

В спешке один из ящиков срывается с самого верха трапа, падает с высоты на землю и разлетается на части, из него вываливаются и рассыпаются золотые слитки и необработанные алмазы.

А ливень все усиливается, и ослепительные молнии раскалывают черное небо...

Президент проходит в пилотскую кабину, при его появлении Шумахер проворно вскакивает на ноги:

– Good evening, mister President!¹

– Let's go! – приказывает ему Президент. – Start the engine!²

– Sorry, mister President! You see that weather? We cannot...³

Президент достает из кобуры «ПМ» и без всякого промедления стреляет в ноги Шумахера. Шумахер испуганно подскакивает.

– Start the engine⁴, – буднично повторяет Президент.

– Егор, заводи, он меня убьет! – просит Шумахер.

– Куда «заводи»? – И Егор показывает на стекла кабины, по которым лупит уже не дождь, а град. – Смотри, что делается!

Но тут Президент переводит пистолет на Егора, приставляет дуло к его голове и говорит почти по-русски:

– Завади матор, мат твой перемат!

Егор включает двигатели.

Президент пистолетом показывает на Шумахера и Миколу.

– Ты и ты! Иды вниз, прывяжи ящыки и my car! Бистро! Бистро!

Шумахер и Микола принужденно переходят из пилотской кабины в грузовой салон. Там черные охранники Президента уже вовсю сами, как могут, накидными брезентовыми ремнями крепят к полу два джипа и ящики с золотом. Шумахер и Микола включаются в эту работу.

А в пилотской кабине Президент по-прежнему держит пистолет у головы Егора.

– Бистро! Бистро! – торопит он. – Летить!

– Куда лететь? – спрашивает Егор.

– Куда скажу, туда летить! Тавай! Let's go!

Егор и Вахтанг, переглянувшись, включают бортовые огни и фары под обтекателем кабины и на крыльях, но фары пробивают черную завесу дождя не больше, чем на три-четыре метра.

– Ты Лумумбу, что ли, кончал? – мельком спрашивает Егор у Президента.

¹ Добрый вечер, господин Президент!

² Поехали! Запускай двигатель!

³ Извините, господин Президент! Погода нелетная.

⁴ Запускай двигатель.

– Да, у вас. Лумумба институт! – И Президент тычет себя пальцем в грудь. – Аспирант! Сквозь грохот дождя и раскаты грома вдруг доносятся новые звуки пулеметной стрельбы, и даже в темноте видно, как из джунглей со всех сторон к самолету приближается вал трассирующих пуль.

– You see! – кричит Егору Президент. – Мат перемат! Go! Let's go!

Егор, держа ноги на тормозе, выводит РУДы на режим для взлета, самолет дрожит от напряжения, внизу, под самолетом бэтээры отстреливаются от надвигающейся из джунглей стены огня.

Наконец Егор снимает ноги с тормозов, самолет, тараня стену тьмы и дождя, почти вслепую, лишь при свете трассирующих пуль, катит по ВПП.

В грузовой кабине Шумахер на ходу поднимает грузовой трап с двумя уцепившимися за него охранниками.

Егор выводит РУДы до упора вперед, самолет прибавляет ход и – чудом отрывается от земли!

Через окно пилотской кабины Президент смотрит вниз, на выскочившие из джунглей грузовики с вооруженными повстанцами, торжествующе хохочет и кричит им сверху:

– Мат перемат ваш демократий! Фот вам демократий! Да сдрастует Лэнин! Лэнин всегда живой!

Молния бьет и сотрясает взлетевший самолет, от этого удара Президент тяжело валится в пустое кресло бортинженера. РУДы отжаты до конца, двигатели ревут на пределе мощности, но Егор, пытаясь выскочить из грозового облака, задирает нос самолета все выше и выше. Однако грозовому фронту, похоже, нет конца, и дождь переходит в ледяной град, который колотит по фюзеляжу и кабине, как артиллерийская шрапнель.

В осатаневшей непогоде Ан-26 швыряет как щепку в бурном вихревом потоке, Егор двумя руками, что есть сил, удерживает трясущийся и словно взбесившийся штурвал.

В грузовом салоне черные охранники, намертво уцепившись руками в кресла и сиденья, со страхом смотрят на расшатывающиеся и ослабевающие ремни креплений джипов и ящиков с золотом.

А Президент сидит на полу пилотской кабины, заняв своей тушей весь проход, икает и матерится по-нигерийски, по-русски и по-английски.

Неожиданно самолет выскакивает из черноты грозового фронта в яркий солнечный просвет, и Егор видит самолетные крылья, побитые, словно оспой, ледяным градом.

– Ужас! – говорит Егор Вахтангу. – Смотри!

– Лед! Оледенение! – сообщает Микола. – Зараз будем падать!

Действительно, то ли от оледенения, то ли из-за нисходящего воздушного потока самолет вдруг начинает стремительно снижаться и вновь оказывается в черноте грозы и светящихся разломах молний. И опять ледяной град расстреливает самолет, штурвал пляшет в руках Егора, и кажется, что это будет продолжаться бесконечно – игра могущественной природы с крохотным самолетом и попытки Егора и Вахтанга вырваться из смертельных воздушных потоков.

А тут еще, при падении в очередную воздушную яму, Президента, не привязанного ремнями, возносит в воздух под потолок кабины, после чего он всей своей тушей шмякается прямо на руки Егора, держащие штурвал. Егор вскрикивает...

И вдруг снова яркое солнце бьет по кабине. Самолет, трясясь от вибрации, выравнивается у самой земли и несется вперед, едва не цепляясь брюхом за верхушки тропического леса. Егор, кривясь от боли, сталкивает Президента с рук и кричит:

– Штурман, мы где?

– Нэ знаю, – бормочет Микола. – Приборы сдохли!

– Аспирант! – через плечо кричит Вахтанг Президенту. – Мы куда летим?

– Кибуни! Кибуни! – отвечает тот.

– Какие, на хрен, Кибуни? – Шумахер роется в бумагах полетного задания. – У меня нет Кибуни в полетном задании!

– Твоя мат! – Президент тычет пистолетом в пах Шумахеру. – Кибуни, я сказал!

– Егор, давай в Кибуни, он меня убьет, – снова просит Шумахер.

Набрав высоту, Вахтанг и Микола крутят головами и вдали, справа, видят зеленую гладь огромного озера.

– Веди машину, вот Кибуни! – сквозь сжатые зубы говорит Вахтангу Егор.

Вахтанг разворачивает самолет в сторону озера и прибрежного аэродрома.

– Микола, – бросает он штурману, – запроси аварийную посадку.

– Да нэма ниякой связи! – в панике кричит Микола. – Уси приборы накрылись!

– Горючка на нуле, осталось на три минуты, – сообщает Шумахер.

Вахтанг почти в пике направляет Ан-26 в сторону аэропорта, выпускает шасси и докладывает:

– Основное шасси вышло, переднее не выходит.

– Пробуй аварийку! – снова сквозь зубы приказывает Егор.

Вахтанг пробует, но передняя опора шасси не выходит из ниши.

Президент, достав тяжелый, как армейская граната, мобильник тех времен, набирает какой-то номер и говорит с кем-то по-нигерийски.

– Горючее на нуле! – кричит Шумахер.

И действительно, внезапно наступает полная тишина – это кончилось горючее, и двигатели смолкли. Только свист ветра в крыльях самолета, резко теряющего высоту. И стрелка альтиметра, бешено вращающаяся по летящим вниз цифрам.

На аэродроме черные служащие видят падающий самолет и в ужасе разбегаются с ВПП.

В трагической тишине планирующе-падающий Ан-26 чудом достигает передней кромки ВПП, садится на основное шасси, стремительно катит по ней с задраным вверх носом... И только когда до конца ВПП остается буквально несколько метров, скорость его уменьшается настолько, что Егор с риском для жизни опускает нос самолета на мокрый после дождя асфальт посадочной полосы.

Треск и хруст днища фюзеляжа, но... У самого конца ВВП самолет все-таки останавливается, задрав к небу хвостовое оперение.

Егор сидит за штурвалом, закрыв в изнеможении глаза.

Пожарные машины, машины «скорой помощи» и пара подъемных кранов с воем мчатся к самолету, окружают его.

Президент достает из кармана чековую книжку, выписывает чек, небрежно швыряет его Шумахеру и выходит из пилотской кабины в грузовой отсек.

Там его черные охранники уже освобождают оба джипа от ремней креплений и загружают в них деревянные ящики с золотом.

Президент снова говорит с кем-то по мобильнику.

Охранники открывают створки в хвосте самолета и опускают грузовой трап.

По асфальтовому шоссе, ведущему через джунгли к аэропорту, летят два роскошных «Бентли» и «Роллс-Ройса» в сопровождении «Хаммеров» и чернокожих мотоциклистов в парадной форме и при оружии.

Эта кавалькада выскакивает на летное поле и подлетает к самолету, из которого по грузовому трапу спускается Президент.

Из «Бентли» и «Роллс-Ройса» выходят три чернокожих генерала, по-братски обнимают Президента и наблюдают, как охранники выкатывают из самолета два его джипа с ящиками золота и алмазов. После чего генералы и Президент садятся в «Бентли» и «Роллс-Ройс». «Хаммеры» и джипы с охранниками пристраиваются им в хвост, и вся кавалькада, окружен-

ная вооруженными мотоциклистами, катит с аэродрома по шоссе, стрелой пересекающему джунгли.

Глядя из кабины Ан-26 на эту удаляющуюся процессию, Шумахер говорит негромко:

– А ведь они его счас кончат.

– С чего ты взял? – спрашивает Вахтанг.

– Ну, когда столько золота в ящиках...

И действительно – там, в кавалькаде авто, один из генералов, сидевший рядом с шофером «Роллс-Ройса», поворачивается к Президенту, сидящему на заднем сиденье рядом с другим генералом, и в упор стреляет ему в лоб. Вооруженные мотоциклисты почетной охраны то ли не слышат этого выстрела, то ли делают вид, что не слышат, и вся кавалькада на громадной скорости уносится от аэродрома в джунгли.

А Егор продолжает сидеть в своем командирском кресле, по-прежнему закрыв глаза и держа руки на штурвале.

– Егор! – говорит Микола. – Эй, командир!

– Егор, проснись! – повторяет Вахтанг. – Мы прилетели.

– У меня руки сломаны, – негромко произносит Егор.

– Шо?! – кричит Микола и, наклонившись к Егору, видит, что рукава Егоровой рубашки намокли, с них капает кровь. – Блин! Этот президент, сука, тебе руки сломал!

– Шумахер, врача! – орет Вахтанг.

Потом была санитарная машина, и черный врач-нигериец, прибежав в пилотскую кабину, осматривал сломанные в кистях руки Егора, и черные санитары готовили носилки.

– You suppose to have a painful shock...⁵ – сказал врач Егору.

А снаружи Микола и техники аэропорта осматривали помятый фюзеляж самолета и переднюю опору шасси, которую заклинило в нише.

Наложив на руки Егора временные шины, врач-нигериец мимоходом спросил у Шумахера:

– Is your insurance international?⁶

– We don't have insurance⁷, – ответил Шумахер.

– What? – изумился нигериец. – How come?⁸

Вахтанг схватил Шумахера за грудки:

– Что?! Мы летаем без страховки?

– Sorry, gentlemen! – сказал нигериец. – We cannot take him to the hospital without insurance⁹.

Наспех забинтовав руки Егора, врач показал санитарам на выход и ушел вместе с ними. Пропустив их при выходе из кабины, Микола вошел в кабину и доложил:

– Переднюю опору шасси щэ можно вытащить вручную, но обратно вона не зайдэ, гидросистема пробита и уся вытекла. И, вообще, уся машина побита градом, лететь не возможно.

– Нужно вызвать ллойдовских страховых экспертов, – сказал Егор. – Шумахер, ты слышишь?

– Слышу... – отозвался Шумахер. – Но у нас и на самолет нет страховки.

– Шо-о?! – изумленно воскликнул Микола.

– Шумахер, ты покойник, – сообщил Вахтанг.

⁵ У тебя должен быть болевой шок...

⁶ У вас международная страховка?

⁷ У нас нет страховки.

⁸ Что? Как так?

⁹ Мы не можем везти его в госпиталь без страховки.

Глава 13

Ночью черные техники-нигерийцы вытянули опору переднего шасси из ниши и мертвую закрепили ее дополнительными металлическими штангами. Потом кое-как выправили фюзеляж и залатали, как смогли, обтекатель. Шумахер, слюнявя доллары, рассчитался с ними наличными. Затем эти же техники-нигерийцы, воровато озираясь, подогнали к самолету цистерну с горючкой и заправили самолет. Шумахер снова рассчитался с ними наличными и поднялся в пилотскую кабину.

– Всё, пацаны, ходу! Я договорился, нам дают вылет.

Егор, сидя с перевязанными руками в своем командирском кресле, спросил:

– Ты хочешь, чтоб мы летели с выпущенным шасси?

– Но вы же асы! А горючки у нас по горло! В Турции дозаправимся и – до Кишинева! Спасете мне машину, я вас дома озолочу!

– Ни! – Микола покачал головой. – Всэ, нэма тоби веры! Бабки на бочку! Зараз!

– Ребята! – Шумахер вывернул пустые карманы. – Вот все, что осталось! Все деньги в Кишиневе, в банке!

Егор кивнул Вахтангу на приборы и штурвал, и Вахтанг, исполняя теперь обязанности командира самолета, включил двигатели и провел предполетную проверку приборов. Еще через десять минут самолет осторожно тронулся и на шасси, у которого передняя опора была больше похожа на костыль, медленно покатыл к ВПП.

Микола запросил разрешение на взлет, и самолет, пробежав по полосе, взмыл в ночное африканское небо. Вскоре россыпь огней африканского города и ночная Африка, темная, как шкура носорога, растаяли под его крыльями.

А восемь часов спустя под ними проявились пасторальные молдавские пейзажи, освещенные мягким утренним солнцем. Запросив посадку у кишиневского диспетчера и получив разрешение и инфо о погоде и видимости, Вахтанг вывел самолет на посадку и ювелирно посадил на сломанное шасси-костыль. Дивясь на этот костыль и на фюзеляж – весь в заплатках и избитый, словно оспой, вмятинами от ледяного града, – молдаванин «маршал» – сигнальщик, озабоченно качая головой, взмахами своего жезла привел самолет на дальнюю стоянку, и едва самолет достиг этой стоянки, стойка-костыль с хрустом надломилась.

Но это уже не имело значения, и Шумахер облегченно перекрестился. А Вахтанг устало опустил руки со штурвала и вместе с Миколой помог встать Егору, который своими поломанными и забинтованными руками не мог опереться даже на подлокотники.

Зеленый служебный микроавтобус забрал их у трапа и повез к аэровокзалу – мимо небольших пассажирских «Яков» и «Илов» с бортовыми надписями разных республик – «БУРЯТ-ЭЙР», «МОЛДОВА-ЭЙР», «ДЕСНА-ЭЙР»... и мимо гигантского Ан-124 «Руслан», в огромное чрево которого техническая команда с помощью БПК загружала какие-то гигантские десятитонные контейнеры.

– О це машина! – присвистнул Микола.

Микроавтобус остановился у служебного входа в здание аэровокзала, Шумахер раздал Егору, Миколу и Вахтангу их паспорта и первым зашел в эту служебную дверь. За ним двинулись Вахтанг, Егор и Микола.

Остановившись у стойки паспортного контроля, Шумахер подал молодому пограничнику свой паспорт и поздоровался с ним по-молдавски. Пограничник бегло просмотрел его паспорт, шлепнул в него штамп, вернул Шумахеру и нажатием кнопки открыл турникет. Шумахер прошел через турникет, и турникет закрылся.

Следом за Шумахером к стойке подошел Вахтанг, подал свой паспорт. Пограничник полистал его и поднял глаза:

– Но у вас нет молдавской визы.
– Как нет? – удивился Вахтанг. – Мы же отсюда улетаем. Год назад!
– Да, – сказал пограничник. – Год назад у вас была виза, но кончилась. Я не могу пустить вас в Молдавию.

Вахтанг повернулся к Егору и Миколу:

– Слыхали? У нас нет молдавской визы! – И позвал через турникет: – Шумахер!

Стоя за турникетом, то есть уже на территории Молдавии, Шумахер насмешливо усмехнулся, сделал им рукой «адъё» и ушел небрежной походкой.

– Но мы же привезли вам самолет! – растерянно сказал Вахтанг пограничнику.

– Этот хмырь нас просто ограбил... – философски заметил Егор.

– Шо ж нам робыты? – спросил Микола.

– Не знаю, – сказал пограничник. – В Молдавию вам нельзя, вы все без виз. Вон идет московский экипаж, попросите их – может, они возьмут вас в Россию.

Действительно, в глубине аэровокзала появились шесть пилотов – экипаж «Руслана». В отличие от Егора, Миколы и Вахтанга, одетых в шорты и помятые рубашки, они были в парадной форме – летние кители, белоснежные рубашки, галстуки. Но самое поразительное: с ними шла Гюльнара – на высоких каблуках, в кителе с нашивками штурмана.

Микола, остолбенев, смотрел на нее, и их взгляды встретились.

Глава 14

Стандартная «молитва» – процедура предполетной проверки приборов и механизмов. Сидя на своем месте штурмана, Гюльнара приняла у местного диспетчера сведения об эшелоне полета и сообщила их командиру «Руслана». Получив разрешение на взлет, командир увеличил обороты всех четырех реактивных двигателей, гигантский «Руслан» мягко тронулся с места, пробежал по ВПП и после короткого разбега круто, на широко распахнутых крыльях, взмыл в утреннее небо.

Командир развернул самолет над Молдавией и повел его на восток, навстречу восходящему солнцу.

Гюльнара сняла наушники, отстегнулась от кресла, встала и перешла из пилотской кабины в отсек для отдыха экипажа. Здесь находились три, на манер железнодорожных, купе и блок питания – холодильник, титановый бак-кипятильник, микроволновая печь, шкаф для хранения продуктов и посуды. Гюльнара взяла поднос, поставила на него три глубокие чашки, засыпала в них овсяную кашу из пакетов и залила кипятком из кипятильника. Затем добавила к этому фрукты из холодильника, печенье и конфеты и принесла этот поднос в купе, где на трех полках лежали Микола, Егор и Вахтанг.

– Ребята, завтрак...

Но они не слышали ее – все трое уже спали точно так, как когда-то они спали на своих койках в общежитии летного училища.

Гюльнара стояла и смотрела на них – на Егора с его забинтованными, в шинах, руками, на повзрослевшего Вахтанга, на своего Миколу.

Затем она поставила поднос на столик, выключила свет в купе и ушла на свое рабочее место.

Ан-124 «Руслан» летел в Россию.

Глава 15

Разведя забинтованные руки, Егор голяком сидел на стуле под душем, Катя изо всех сил терла его намыленной мочалкой и смывала пену узкой, но мощной струей душевого массажа.

– Руки шире! Шире! – командовала она.

Потом Егор, одетый в свежую рубаху, сидел за кухонным столом, Катя кормила его с ложки овсяной кашей и поила апельсиновым соком.

А ночью, когда Егор спал, раскинув забинтованные руки, Катя сидела над ним на кровати и осторожно, только в касание, гладила его плечи ладонью. А он все-таки просыпался и пробовал схватить ее забинтованными руками, но охал от боли.

– Лежи, не двигайся! – приказывала она, смеясь, и, прижав его руки к кровати, сама набрасывалась на него жадно, трепетно и страстно...

Затем врачи сняли гипс, и Егор, делая утреннюю зарядку, пытался отжаться от пола, но руки давно ослабли, и он в бессилии садился на полу.

– К чертям! Все равно мне уже не летать!

– Нет, ты будешь летать! – настаивала Катя и наступала ему на ноги. – Давай качайся! Качайся, я сказала!

Егор, сидя на полу, принимался качать пресс. После этого он подтягивался на домашнем турнике, а Катя считала: «Три... четыре... Ну! Еще! Еще раз! Любить не буду!» Тут Егор спрыгивал с турникета и хватал ее, поднимал на руки и стискивал до боли:

– Будешь любить?

– Не буду! – кричала Катя, дрыгая в воздухе ногами. – Пока десять раз не подтянешься, не буду!

И чуть ли не силой выводила его на пробежку по зимнему лесу. А когда Егор, выдохшись, останавливался и, тяжело дыша, сгибался в пояснице, Катя, бегая вокруг него, кричала:

– Вперед! Ты мужик или кто? За мной!

И убегала вперед. Егор вынужденно бежал следом.

Три месяца спустя она привезла его в Москву на медкомиссию в Министерство гражданской авиации. Здесь целый консилиум именитых врачей и еще какие-то чины и начальники придирчиво рассматривали большие рентгеновские снимки его рук и грудной клетки. Егор, раздетый до пояса, стоял напротив их стола и ждал приговора. Сбоку, в углу комнаты сидела на стуле Катя, напряженная и одетая в парадную форму старшего лейтенанта МЧС.

Врачи, передавая друг другу снимки, негромко обменивались непонятными медицинскими терминами. Потом председатель комиссии поднял глаза на Егора:

– Ну, что вам сказать, молодой человек? У вас было ранение в грудь, и я вообще не знаю, как вас приняли в летное училище. А тут еще перелом обеих кистей...

– Но ведь все срослось! – не удержалась Катя.

– И что? – повернулся к ней председатель. – Кости-то ослаблены. Не дай бог, очередная нестандартная ситуация... Нет, мы не можем аттестовать его на пилота.

– Нет, можете! – вскочила Катя и подбежала к Егору: – Ложись! Ложись, я сказала! Отжимайся!

Егор послушно лег на пол и стал отжиматься.

– Нет! Одной рукой! – приказала Катя. – Одной!

Егор забросил правую руку за спину и стал отжиматься на одной левой.

– Сядьте на него! – приказала Катя председателю. – Садитесь!

– Да вы что?! – возмутился тот.

Тут Егор сменил руку, Катя села ему на спину, и Егор, держа Катю на спине, стал отжиматься на одной правой.

– Ну?! Вы видите? – гордо сказала Катя членам комиссии и подошла к их столу: – Есть среди вас хоть один летчик? А? Есть?

– Ну, есть... – отозвался один из них.

– Замечательно! – усмехнулась Катя. – Ложитесь! Ну! Ложитесь на пол и отжимайтесь, как он!

Члены комиссии рассмеялись, но Катя сказала:

– Нет, это не смешно! Я летчица! Я командир Ми-8, работаю в МЧС! Так вот я вам скажу: мы с вами летчики, а он – ас! Понимаете? Ас! Он спас машину, которая должна была разбиться! Потому что он летчик от бога! – И сменила тон на просительный: – Пожалуйста, пустите его в небо!

Члены комиссии переглянулись, и один из них вдруг сказал:

– Пилотом-инструктором я могу его взять...

Глава 16

Во дворе московского жилого дома игрушечный самолет, управляемый по радио, кружил над детской площадкой. Семилетний сын Марины и Вахтанга держал в руках пульт и заставлял самолет делать крутые виражи. Рядом с ним стояла пятилетняя девочка.

А из открытого окна квартиры на третьем этаже несло знакомое:

*Мы ангелы, парящие над миром,
Летящие по Млечному Пути!
Наш курс проложен огненным пунктиром,
И нам с него вовеки не сойти!
Оторвись от земли, оторвись
В ослепительно чистую высь!
Кто во сне никогда не летал,
Тот с рожденья от жизни отстал!*

– А ты тоже летчиком будешь? – спросила пятилетняя девочка у сына Марины и Вахтанга...

– Я? Нет, конечно! – ответил он. – Я буду космонавтом.

И, нажав тумблер на пульте, «свечкой» отправил свой самолет круто в небо.

Эпилог

Ну, а если вы не верите в такой хеппи-энд, то вот вам документальное свидетельство.

Все персонажи этой повести написаны на основе реальных событий в жизни реальных людей. Российский Клуб женщин летных специальностей «Авиатрисса» существует с 1992 года и тесно сотрудничает с Федерацией авиационного спорта РФ, Международной организацией женщин-летчиц «99», Международной организацией женщин-вертолетчиц и Women in Aviation International. Члены этого клуба действительно водят вертолеты Ми-8 в авиаотрядах МЧС и МВД, почти все виды самолетов в многочисленных российских региональных авиакомпаниях, а также «Боинги», «Аэробусы» и «Русланы» в «Трансаэро», «Аэрофлоте» и компании «Волга-Днепр».

Автор желает им высоких полетов и мягких посадок.

«Стрижи» на льду (По идее Артура Пинхасова) Киноповесть

Памяти Ивана Ткаченко, капитана ярославской хоккейной команды «Локомотив», и его команды посвящается

«Ивана всегда легко можно было узнать на льду по особой манере игры и, конечно же, по номеру. Цифру «17» Ткаченко выбрал не случайно – под таким номером играл легендарный хоккеист Валерий Харламов. Удивительным образом Ваня повторил трагическую судьбу своего кумира, уйдя из жизни на пике популярности...»

Евгений Панин, друг Ивана Ткаченко¹⁰

Хотя по выходным не нужно идти в школу, Виктор без всякого будильника еще затемно спрыгивал со своей верхней полки, наспех одевался, хватал ботинки с коньками и клюшку и выскакивал из квартиры. И уже через десять минут сквозь открытую форточку с улицы доносились громкие крики пацанов, скрип коньков и удары клюшек.

А Егор лежал на своей нижней полке, закинув руки за голову, с открытыми глазами, но видел не днище братниной полки, а вчерашний бой подростковой хоккейной команды «Соколы “Локомотива”» с «Орлятами “Шинника”» – игру, на которой его брат Витя забил «Орлятам» не одну, не две, а три шайбы! Вот это была игра! «Орлята» героически защищались и даже нападали, они забили «Соколам» две шайбы, но в третьем периоде при счете 2:2 тренер «Соколов» выпустил на лед Витину тройку Юрасов – Вышинский – Колобов, и... Когда на последней минуте Витя с подачи Васи Колобова забросил свою третью шайбу, все трибуны в ледовом дворце «Торпедо» просто взорвались восторгом! А после игры не только мама, но даже Катя из 7 «Б» класса поцеловала Виктора! Что с противоположной трибуны видел, конечно, девятиклассник Роман Бугримов, который тоже к Кате неровно дышит...

– Н-да... – тяжело вздохнул Егор. Нужно вставать...

Хотя на двухэтажной подростковой кровати его полка была нижней, но от этого ему не легче. Он на полтора года младше Виктора и на одну ногу несчастней – по словам врачей, у него гемипарез, врожденный паралич левой ноги. Что это такое? Это когда вы не чувствуете свою ногу, а таскаете ее, как тяжелую культю. И с этим надо жить с утра до ночи и с ночи до утра. Круглосуточно.

Сев на постели, Егор спустил на пол правую ногу, а затем двумя руками взял мертвую, как колода, левую ногу, сдвинул ее к краю кровати и уронил вниз. Теперь, чтобы встать, нужно в полутьме достать костыли, прислоненные к стулу, подтянуть их к подмышкам и так, с подвешенной левой ногой, отправиться в туалет. При этом стараться не стучать костылями, чтоб не разбудить мать. Суббота и воскресенье у мамы самые трудные дни, она работает экскурсоводом в краевом музее и по воскресным дням водит по городу туристов, то есть весь день на ногах. Значит, сегодня ей нужно поспать хотя бы до девяти; слава богу, что окно ее комнаты выходит не во двор, а на противоположную сторону, на улицу, и ей не слышны эти ранние хоккейные баталии на дворовом катке.

¹⁰ СПРАВКА: **ИВАН ТКАЧЕНКО** – чемпион России (2002, 2003), серебряный призер чемпионата мира (2002) и чемпионата России (2008, 2009). После смерти хоккеиста выяснилось, что он, не раскрывая своего имени, оказывал крупную материальную помощь детям с тяжелыми заболеваниями. В частности, последний платеж в сумме 500 000 рублей в адрес девочки, страдающей острым лимфобластным лейкозом, Иван сделал в день своей трагической гибели. Общая сумма переведенных средств на момент его гибели составила 9 996 300 рублей. При его жизни об этом факте не было известно. Посмертно награжден медалью Уполномоченного по правам человека в РФ «Спешите делать добро».

В Ярославле все пацаны помешаны на хоккее, даже Егор был на игре легендарного «Локомотива» с «Буревестником» – но, конечно, давно, до гибели «Локомотива» в авиакатастрофе в сентябре 2011 года. Это был первый настоящий хоккейный матч, который Егор видел живьем, но именно с тех пор над его и Витиной кроватью рядом с портретами Брюса Ли и Джеки Чана появился портрет Ивана Ткаченко, капитана «Локомотива», знаменитого после гибели даже больше, чем при жизни, потому что только после его смерти выяснилось, что он совершенно анонимно, в тайне от всех посылал деньги больным детям...

Спустив воду и выйдя из туалета, Егор вернулся в свою комнату, допрыгал на костылях до окна и лег грудью на подоконник, чтобы увидеть двор с пятого этажа. А там баталия уже шла вовсю! Двенадцати-четырнадцатилетние пацаны лихо носились за шайбой по катку, залитому во дворе совсем недавно, с первыми ноябрьскими морозами. Теперь, дорвавшись до льда, они весело сшибали друг друга, выделяли финты и гремели клюшками.

Найдя глазами брата, Егор ревниво следил за его игрой. Он любил Виктора. Да и как не любить, когда Витек всю жизнь носится с ним, как с писаной торбой! Сызмалу таскал его на руках, как котенка, учил ходить на костылях и лупил всякого, кто дразнил Егора или отнимал у него игрушки на детской площадке. А про школу и говорить нечего, в школе Витя – его главная опора в прямом и переносном смысле!..

Теплые материнские руки вдруг обняли Егора сзади, и всей своей спиной, шеей и затылком Егор разом ощутил мягкое блаженство младенчества, когда мама держала его на руках. Но ему уже двенадцать, он не может позволить себе эти нежности!

– Ма, ты чего? – спросил он и попытался высвободиться.

– Доброе утро, – сказала мать, не выпуская его плеч. – Есть хочешь?

– Нет еще...

Какое-то время они оба смотрели на хоккейную игру и на Виктора, а потом Егор спросил:

– Мам, а ты вообще умеешь на коньках?

Мама усмехнулась:

– Когда-то умела. Даже за институт выступала... – И вдруг ее осенило: – Ну-ка, пойдем!

– Куда?

– Вниз, во двор!

– Зачем?

– Пойдем, одевайся! Я сейчас... – И мать метнулась в свою комнату.

* * *

Когда они, одетые по-зимнему, лифтом спустились в подъезд и вышли во двор, там уже светлело, и игра закончилась.

– Витя! – позвала мать. – Поди сюда!

Виктор, потный, разгоряченный и с синяком на лбу, подкатил к ним.

– Ближе, – сказала мать.

– А чего?

Она тронула пальцем его синяк.

– Больно?

Он отмахнулся:

– Не, ничо! – И хотел отъехать к пацанам, обсуждавшим закончившуюся игру.

Но она придержала его за рукав куртки:

– Подожди...

Второй рукой зачерпнула снег из сугроба и приложила к синяку.

– Стой, не дергайся!

– Ну, ма!..

– Да стой ты! – прикрикнула она и вдруг тихо и совсем другим тоном: – Покатай Егошу.

– Как это? – оторопел Виктор.

– Запросто. Иди сюда. Стань ему со спины...

– Ма, ты чо? – сказал Егор.

Но она уже завела Виктора за спину к Егору и распорядилась:

– Ближе! Плотней! Вот так! А теперь бери его под мышки и ставь себе на ноги! А ты, Гоша, дай мне костыли! Давай! Ты понял, Витя? Покатай его! – И, водрузив младшего сына на ботинки и ноги старшего, распорядилась: – Пошел, Вить! Помалу...

Но Виктор уже и сам ухватил ее идею, он в обхват сжал брата под мышками, и так, держа его перед собой, как большую куклу, выкатил с ним на каток.

Пацаны, толкая друг друга локтями, удивленно смолкли.

– Спокойно, – негромко командовал Виктор брату. – Пригнись и правую ногу вперед! Вместе со мной! Вот так, раскатывай!.. А левой я сам, сам! Вот... А теперь снова правой! Вперед! Спокойно, не дави! Катим...

И они действительно покатали по катку, а мать кричала им со стороны:

– Хорошо! Быстрее, Витя! Не бойся! Молодцы! Смелей! С ветерком! Давай, давай!

И Виктор понял ее, и набрал скорость, и вдруг... вдруг Егор ощутил кайф скорости и полета!

Скорости и полета!

Скорости и полета!

И засмеялся от счастья!

Пусть всего одной ногой он помогал брату, но они летели!

Они мчались навстречу восходящему солнцу!

Двое в одном теле и в одном полете!

И веселый голос матери летел вместе с ними:

– Быстрее! Еще быстрее! Браво!..

Конечно, на крутом повороте они оба грохнулись с коньков и, расцепив руки, уже врозь покатались на спинах по льду. Но Егор не чувствовал ушибов – растянувшись на льду, он смотрел в утреннее небо и блаженно улыбался...

* * *

Кухонный нож звонко скрипел о точильный камень.

Егор был настроен решительно, он знал, что делает.

Всю прошедшую неделю он смотрел в Youtube соревнования параолимпийцев. Зачем ему эта дурацкая нога, если он ее не чувствует и не может на нее наступить? Параолимпийцы без двух ног бегают на протезах, и как бегают! Конечно, врачи отказываются отрезать ему ногу и поставить протез, «не имеем, говорят, права наносить увечье». Зато он имеет право! Это его нога! «Вот если бы, – говорят, – у тебя не было ноги, другое дело! Тебе протез был бы положен...»

Вот и хорошо! Вот и будет мне протез!

Еще раз проведя ножом по точильному камню, Егор попробовал его острие на ногте. Годится. Теперь для дезинфекции проведем лезвие ножа над огнем газовой конфорки. Хорошо. Теперь поясным ремнем туго перетянем эту чертову ногу, чтобы кровь не вытекла до возвращения Виктора с тренировки. Витя придет через двадцать минут, увидит всё и вызовет «скорую», и «скорая» увезет Егора до прихода мамы с работы. А в больнице врачи закончат операцию, все зашьют, и мама узнает все, когда дело будет закончено. И через пару месяцев он таки получит протез. Конечно, не такой, как у параолимпийцев, на такой протез, он прочел

в Интернете, нужно семнадцать тысяч долларов, но он эти деньги за полгода на бирже зарабатывает, он уже прошел заочный курс в биржевом университете.

Еще раз затянув ремень на своей бесчувственной левой ноге, Егор взял в зубы нож, доскачал на костылях из кухни к своей двухэтажной кровати. Здесь уже все было наготове – и таз, и бинты. Он остановился и невольно встретился взглядом с Иваном Ткаченко, капитаном «Локомотива», своим кумиром и кумиром всех ярославских пацанов. Ах, если бы Иван Леонидович был его отцом! Но нет, Егор давно уже выяснил, что отец бросил их, когда узнал, что его сын родился с ДЦП. То есть сначала отец уговаривал маму отдать новорожденного в детдом, а когда мама отказалась, просто взял и уехал. А через два года оказалось, что у Егора не ДЦП, а всего лишь паралич ноги, но отец уже был далеко, моряком в одесском пароходстве, откуда приходили крохотные алименты...

Вздыхнув, Егор отвел глаза от Ткаченко, сел на свою кроватную полку, отложил костыли, двумя руками поднял мертвую ногу на таз, стоявший на стуле, снова проверил затянутый на ноге ремень – не спустился ли? – и, как левша, левой рукой с силой грохнул кулаком по мертвой ноге. И еще раз! Сильней! Нет, никакой боли нет! Совершенно пустая ватная куля!

Теперь успокоить дыхание и сосредоточиться. Эту бесполезную ногу нужно резать решительно и чуть ниже ремня.

– Ну, что? – все-таки сказал он вслух этой ноге. – Раз ты не слушаешься...

И, репетируя, сам себе показал, как воткнет нож и тут же резко поведет его вбок, чтобы резать ногу по всей окружности.

После чего набрал воздух в легкие и скомандовал сам себе:

– Раз... Два... Три!

И, что есть сил, воткнул нож в ляжку.

Но вместо рывка ножом вбок вдруг вскрикнул и скорчился от боли, которая пронзила даже позвоночник.

– Ой! – И изумился: – Как?! Мне больно? Не может быть...

Не веря себе, шевельнул ножом и тут же вскрикнул еще:

– Ай!..

Кровь уже хлестала из раны в таз, а он, испуганный и изумленный, все не мог выдернуть нож из ноги.

– Ты что делаешь?! – крикнул Виктор, возникнув в дверном проеме.

– Витя, мне больно! – радостно сообщил Егор.

* * *

– Ну, ты даешь! – сказал в больнице врач. – Сепсис мог быть, заражение крови.

Он выписал антибиотики, прописал курс лечения, дал освобождение от школы и сказал матери:

– Ладно, хирургом будет, везите его домой. Гематоген и гранаты – побольше, чтоб кровь восстанавливать. А диагноз, который ему когда-то поставили какие-то горе-врачи, я отменяю. Никакой у него не гемипарез, а паралич на фоне врожденной анемии. Бегать не будет, но шанс оживить эту ногу еще есть... – И вдруг с силой кольнул иглой Егорову левую пятку.

– Ой! – дернулся Егор.

– Вот видите! – сказал доктор матери. – А говорите «гемипарез»! При гемипарезе мозг отключен от тела...

* * *

Конечно, на гранаты денег у матери не было, зато, приходя с работы, она на радостях стала делать Егору массаж левой ноги, растирания и пропаривания какими-то жгучими травами.

Егор в это время смотрел на YouTube, как Иван Ткаченко виртуозно мчался к воротам и забивал шайбы на чемпионате мира в Швеции, на чемпионатах России, на играх Континентальной хоккейной лиги... Вы умеете пользоваться YouTube? Там выложены десятки эпизодов уникальных прорывов Ткаченко, а также репортажи журналистов с места катастрофы самолета с командой «Локомотива» и письма детей, которых, как оказалось, спас Иван Леонидович своими деньгами – Катю Петухову из Барнаула, Славу Чистякова из Лампова, Диану Ибрагимову из Воронежа, Андрея Козлова из Выборга, Веронику Быстрову и Сонечку Кореневу из Санкт-Петербурга...

Мама что есть сил растирала Егору мертвую левую ногу, парила и грела ее медовыми компрессами, только это нисколько не помогало. Нога не оживала, не слушалась, и ляжка по-прежнему бессильной тряпкой висела на кости.

А во дворе пацаны с утра до ночи гоняли в хоккей. Даже днем, когда Витя и его сверстники были в школе, там с детскими клюшками каталась дворовая малышня.

И как-то вечером, когда Виктор, потный и разгоряченный после очередной хоккейной баталии, ушел в душ перед сном, Егор снова в упор посмотрел на Ивана Ткаченко и горестно сказал:

– Да, Иван Леонидович... А мне, значит, не играть в хоккей?..

Вздохнул, сел на свою нижнюю кроватную полку, прислонил костыли к стулу и двумя руками, как обычно, поднял мертвую левую ногу на постель. Тут и Виктор вернулся, забрался на верхнюю полку, и мама пришла проверить, как они оба укрыты. Проведя теплой ладонью по голове сначала старшего, а потом младшего, она присела на кровать рядом с Егором и негромко произнесла, как обычно:

– О Пресвятая Владычице Дево Богородице, спаси и сохрани под кровом Твоим моих чад Виктора и Егора...

При первых ее словах Виктор уже спал – набегавшись и намахавшись клюшкой, он засыпал сразу, как только голова касалась подушки.

А мать продолжала негромко:

– Укрой их ризою Твоего Материнства от стрел демона и сохрани их сердца в ангельской чистоте, умоли Господа моего и Сына Твоего, да дарует им полезное ко спасению их. Аминь.

Перекрестив детей, она поцеловала Егора, выключила свет и тихо ушла.

А Егор лежал в темноте и смотрел на проем окна, светлый от уличного фонаря. Он уже давно знал наизусть материнскую молитву, но его всегда трогали в этой молитве какие-то особые и каждый раз разные интонации, с которыми мама просила Богородицу об их с Витей защите и спасении. Получалось, что днем мать сама защищает их, а ночью передает вахту Пресвятой Богородице, и в глазах Егора это поднимало маму вровень с Пресвятой.

Обычно на этой мысли Егор засыпал, но на этот раз...

Что это?

Нет, этого быть не может!

Но он это видит, он ясно видит, как в светлый проем окна въехал – ну, да! – буквально въехал на коньках Иван Леонидович Ткаченко! Сам! Лично! В красной спортивной форме «Локомотива» с номером «17» на рукаве и с клюшкой в руках! Въехал, подкатил по воздуху к стулу с костылями, что стоял рядом с постелью Егора, перенес эти костыли к окну, а сам сел на освободившийся стул и сказал:

– Привет, Егор. Не спишь?

– Н-нет... – испуганно ответил Егор.

– Очень хорошо. Ты не думай, что это сон. Просто ты мне задал вопрос, и я отвечаю. Хоккей, чтоб ты знал, дело абсолютно добровольное. Кто хочет, тот играет, а кто очень, ну, *очень* хочет, тот даже чемпионом может стать. Только характер нужно иметь. Цель себе поставить и при этом... ну, как тебе сказать? Нужно локомотив иметь внутри себя.

– Но у меня нога... – несмело возразил Егор.

– Нога у тебя живая. Просто ты ее двенадцать лет не нагружал и не тренировал. Это нужно компенсировать, понимаешь?

– Ага... – растерянно сказал Егор.

– Но это будет непросто и нелегко. Поэтому запомни: ты будешь ходить, бегать, прыгать и даже играть в хоккей только в одном случае. Если сердцем усвоишь заповедь: «По вере вашей и будет вам»! Понимаешь? *«По вере вашей»!* Это значит, мы можем добиться всего, во что верим! Пусть через боль, через кровь, через «не могу» – главное: верить и побеждать себя! Ты понял?

– Д-да... – негромко выдохнул Егор.

– Можешь повторить?

– Да... Через боль, через кровь, через «не могу» – верить и побеждать...

– Правильно. Ну, если запомнил, то будь здоров, спи.

И с этими словами Иван Ткаченко выехал в окно.

А Егор лежал в полном изумлении, смотрел в опустевший проем окна, повторял про себя: «Через боль, через кровь, через «не могу» – и не знал: это было ему видение или что?

Так и уснул.

* * *

В школьной столовой стоял обычный шум, звенели и басили ломкие голоса старшеклассников, стучали подносы и пластиковые стулья, нарочито громко смеялись кокетливые девчонки, звенели мобильные телефоны, и очередь к кассе за сладостями громко обсуждала последние городские и школьные новости.

Егор, чтоб не затолкали, никогда не ходил в столовую один, а всегда дожидался брата в своем седьмом «В» классе или в кабинете истории. Тем паче сегодня, в первый день после вынужденных каникул, когда рана на неживой ноге еще залеплена пластырем и перевязана широкой бинтовой повязкой.

Заняв в столовой очередь к кассе за сладостями (оба брата любили булочки с маком), Витя зашел за Егором в класс к «историчке», и они пришли в столовую вдвоем. Но когда Виктор усадил Егора за столик и подошел к голове очереди, оказалось, что его очередь уже прошла.

Он озадаченно почесал в затылке.

– Вообще, я тут занимал... – сказал он всем и никому.

– Дак, конечно, пропустим инвалидов, – громко объявил Костя Зайцев из восьмого «А». Этот Костя, хотя и был почти на голову ниже Виктора, вечно задирал его и вообще всех, кто не входил в группировку девятиклассника Романа Бугримова по кличке Бугор. Вот и теперь, стоя за этим Бугром, Костя смело, как Монморанси в «Трое в лодке, не считая собаки», затевал очередную свару.

Виктор резко повернулся на Костино хамство, и вся очередь тут же смолкла, ожидая, что будет. Теперь у Виктора, даже если бы он и хотел пропустить удар, выхода не было. Тем более что в очереди стояла Катя из седьмого «Б», которая нравилась Бугримову, из-за нее-то Костя и провоцировал Виктора. Поэтому, отложив поднос, Виктор шагнул к Косте:

– Ты чо сказал?

– А чо я сказал? – громко, как в театре, ответил Костя и развел руками. – Сказал, что инвалиды, а тем паче самострелы, у нас всегда без очереди!

Тут Виктор, конечно, замахнулся, чтоб врезать Косте по полной, но тот уже юркнул за спину Бугра, а Бугор перехватил руку Виктора и еще толкнул его так, что Виктор отлетел на ближайший столик, за которым обедали четыре семиклассницы. Столик опрокинулся вместе с тарелками, девчонки завизжали, Виктор в бешенстве вскочил и тараном бросился на Бугра. Но Бугор только этого и ждал – он встретил Виктора таким хуком в солнечное сплетение, что Витя согнулся циркулем и рухнул на колени. А Костя высунулся из-за Бугра, заржал от удовольствия, но вдруг замер, расширив от изумления глаза.

Яростно прыгая на костылях, Егор летел на помощь брату.

– Не-ет! – завизжали девчонки. – ИгМат! Директор!

Но Егора уже ничто не могло остановить. Прыгая на костылях, он набрал такую скорость, что, выставив голову вперед, снарядам влетел бы в Бугра, если бы тот не уклонился. Но Бугор на то и занимался хоккеем в «Буревестнике», чтобы уметь уходить от прямых столкновений и при этом почти незаметно для судей ставить нападающему подножку. Что он и сделал, поддев мыском ноги правый, опорный костыль Егора, отчего Егор на полном ходу – и уже под общий хохот – грохнулся лицом в прилавок с бутербродами.

– Прекратить! – распорядился подоспевший ИгМат, Игнат Матвеевич, директор школы, и сказал Виктору и Егору: – Юрасовы, ко мне в кабинет!

* * *

В этот вечер братья долго не могли уснуть. Виктор ворочался с боку на бок, переживая не столько предупреждение директора об исключении из школы, сколько свой позор перед Катей из седьмого «Б». А мать сокрушенно меняла лейкопластыри на разбитых лбах и носах старшего и младшего сыновей. Потом, когда мать поцеловала их обоих перед сном, прочла молитву и ушла, а Виктор наконец затих на своей верхней полке, Егор тоже закрыл глаза.

И вдруг какой-то не то шорох, не то скрип заставил его испуганно очнуться.

Это сквозь застекленное, с двойной рамой окно в комнату снова не то влетел, не то въехал на своих коньках Иван Ткаченко.

Егор обалдело заморгал.

А Ткаченко, как ни в чем не бывало, опять переставил костыли Егора от стула к окну, а потом сел на стул и сказал:

– Привет! Ну, что? Начнем тренировку?

Егор потрясенно молчал.

– Не понял, – сказал Ткаченко. – Я же тебе объяснял: это никакой не сон. Ты хочешь играть в хоккей, так?

– Д-да... – запнувшись, произнес Егор.

– Очень хочешь?

– Д-да...

– Больше всего на свете?

– Да...

– Громче! Не слышу.

– Но это... Витя спит...

– Не бойся. Он не услышит. Встань и скажи: больше всего в жизни я хочу играть в хоккей! Ну? Встаешь? Или я ухожу. – И Ткаченко сделал движение в сторону окна.

– Нет! – испуганно выдохнул Егор. – Не уходите! Встаю.

И он действительно сел на постели, двумя руками взял мертвую левую ногу и спустил ее на пол вслед за правой ногой.

– Ну! – нетерпеливо сказал Иван Леонидович. – Вставай же!

Но костыли, передвинутые Ткаченко, были теперь далеко, у окна, и Егор протянул к ним руки.

– Мои костыли...

– Нет, костыли не нужны, – заявил Ткаченко. – Так вставай! Сам!

– Но я не могу...

– Что значит, не можешь? Если веришь – можешь! Мы же договорись: через боль, через кровь, через «не могу» верить и побеждать себя. Вставай! Ну!

Отжимаясь руками от края кровати, Егор стал осторожно подниматься, по привычке перенеся весь свой вес на здоровую правую ногу.

– Стоп! – категорически сказал Ткаченко. – Вес на обе ноги! Вот так! Да!

И Егор действительно встал на обе ноги.

– Вот видишь! – удовлетворенно сказал Ткаченко. – А теперь скажи: я буду играть в хоккей, потому что хочу этого больше всего на свете! Ну! Я слушаю.

– Я это... – неуверенно произнес Егор и сглотнул, поражаясь тому, что стоит на обеих ногах. – Я буду играть в хоккей...

– Нет! – перебил Ткаченко. – Так ты никогда не будешь играть в хоккей. Ты же не веришь в то, что говоришь. Но сможешь играть, если скажешь это уверенно, как клятву. Ну, говори!

Егор оглянулся на спящего брата и сказал негромко:

– Да, я буду играть в хоккей, потому что...

– Нет! – рассердившись, снова перебил Ткаченко и даже встал. – Громче! Говори: клянусь, я буду играть в хоккей!..

И вдруг словно что-то проснулось в Егоре, словно выпрямилась какая-то пружина – он сказал твердо и даже ожесточенно:

– Да! Да, Иван Леонидович! Я буду играть в хоккей! Буду! Клянусь, я хочу этого больше всего на свете!

– Вот, это другое дело, – удовлетворенно улыбнулся Ткаченко. – Клятва принята. А теперь присядь. До пола присядь, не бойся, у тебя живые ноги.

Егор, уже поверив в волшебство ситуации, начал приседать и... присел! Присел на обе ноги!

– Вот! Молодец! Видишь? – сказал Ткаченко. – Ты поверил, что присядешь, – и присел! А теперь встань и иди!

Егор, как зачарованный, выпрямился во весь рост.

– Шагай! – приказал Ткаченко.

Егор, покачнувшись, двинул вперед здоровую правую ногу.

– Нет! С левой ноги! С левой! – приказал Ткаченко.

И Егор – пошел! Неуверенно, качаясь, но сделал четыре шага, а когда радостно оглянулся на Ткаченко, того уже не было в комнате. Только голос долетел из окна:

– Запомни: «По вере вашей да будет вам»!..

* * *

Утром Виктор, как всегда по выходным, проснулся ни свет ни заря, живо спрыгнул с верхней полки и ушел в ванную. А Егор, услышав шум спускаемой там воды, открыл глаза. Был тут ночью Ткаченко или все-таки не был? Он мысленно дернул левую ногу – нет, не поднимается. Он еще раз приказал ей шевельнуться и спуститься с кровати – бесполезно! Но как же так?

Этого не может быть! Ведь ночью он ходил на ней! Егор снова напрягся весь, каждым живым мускулом своего тела приказывая левой ноге шевельнуться. Даже спину выгнул вверх...

Ничего не вышло! Значит, Ткаченко – это сон, только сон.

Егор обессиленно распластался в постели и опустошенно закрыл глаза. Тут в комнату вошел Виктор, сказал в недоумении:

– Егор, ты чего? Ты вставал ночью?

– Нет... – горестно ответил Егор. – А в чем дело?

– А почему твои костыли у окна?

Егор медленно, очень медленно повернул голову. Его костыли действительно стояли у окна – там, куда их ночью поставил Ткаченко.

– Не знаю... – счастливо улыбнулся Егор. – Может, мама переставила.

Витя покачал головой:

– Странно...

И принес костыли к стулу рядом с кроватью.

* * *

Теперь Егор с трудом дождался, когда Витя ушел со своими коньками во двор, а мама на работу.

– Ты почему лежишь? Что-то болит? – удивилась она перед уходом.

Ведь обычно в такие воскресные дни Егор вставал сразу после Виктора. Пользуясь тем, что Витя гоняет во дворе в хоккей, он в одиночку завладевал компьютером и с головой нырял в YouTube, позабыв даже о завтраке. А сегодня...

– Нет, нет, все в порядке. Просто лежу, думаю... – поспешил Егор успокоить мать и даже закинул руки за голову, демонстрируя усиленный мыслительный процесс.

– Ладно, Сократ, думай... – усмехнулась мать. – Завтрак на кухне. Я пошла на работу.

– Удачи! – сказал Егор. – Have a good day.

– You too, – улыбнулась мать, она работала экскурсоводом и поощряла сыновей учить английский.

Но как только Егор услышал стук закрываемой двери, он рывком сел на постели, сбросил на пол правую ногу и стал всем корпусом дергать левую, чтобы она сдвинулась к краю кровати. Однако нога, гадина, не двигалась, и Егор в сердцах хрястнул ее изо всех сил кулаком слева! И вдруг почувствовал, что нога отозвалась какой-то слабой болью.

– Ого! – удивился он вслух. – Болишь? А ну-ка еще! – И стукнул еще сильнее. И обрадовался: – Ага! Больно? На тебе! На! Еще!

И с такой силой стал колотить по ноге, что Виктор, неслышно возникший в двери, даже испугался:

– Егор! Ты чо? Опять? Обалдел?

– Иди сюда! – приказал ему Егор. – Иди, иди! Дай руки!

Витя, изумленный категоричным тоном брата, подошел, подал ему костыли.

– Нет! На фиг! – отмахнулся от костылей Егор. – Дай руки!

Взяв Витю за обе руки, Егор рывком всего тела сдвинул левую ногу к краю постели и уронил ступней на пол.

– Ого! – восхитился Виктор. – Класс! – И снова подал Егору костыли.

– Да подожди ты! Убери! – приказал Егор. – Руки дай! – И, снова взяв брата за руки, стал раскачиваться всем корпусом, собираясь встать. – Да не тyani! Не тyani меня! – злился он. – Я сам! Понимаешь? Сам должен...

И вдруг – встал!

И, стоя на двух ногах, осторожно отпустил руки брата.

– Я стою... Витка, я стою... – ошарашено шептал он, боясь даже звуком сбить себя с равновесия.

* * *

Вот теперь наступили настоящие испытания. Потому что одно дело совершить разовый подвиг – встать на ноги, или отжаться от пола, или подтянуться на турнике и так далее, а совсем другое – сделать то же самое десять раз, двадцать, тридцать пять...

Конечно, когда у вас обе ноги здоровы от рождения, вы можете присесть на них и тридцать раз, а после месяца тренировок – даже, наверно, сто раз. Но попробуйте это сделать на одной ноге! Нет, вы не соглашайтесь со мной, что это трудно. Вы попробуйте...

А теперь представьте Егора, у которого левая нога двенадцать лет висела как сосиска, и мышцы на ней были просто тряпичные. Но именно эту ногу он стал напрягать, качать и мучить. А она сопротивлялась, отказывалась сгибаться и разгибаться, держать его тело и тем более ходить!

Да-да, вы попробуйте хотя бы двадцать минут поскакать на одной ноге, не прикасаясь к полу второй. Попробуйте, и вы поймете, на что замахнулся Егор...

Конечно, ему помогали и мама, и Виктор. А особенно – этот постоянный стук клюшек за окном и голоса пацанов, которые кричали: «Шайбу! Бей! Слева бей!» или «На скорости иди! Обходи на скорости!». А он в это время еле-еле ковылял по комнате и буквально через несколько минут падал от усталости и боли в ноге... Но, отлежавшись, вспоминал: «Через боль, через кровь, через “не могу”» – верить и побеждать!» И звал на помощь Ткаченко, но тот почему-то больше не появлялся.

Собравшись с духом, Егор вставал и через боль, через «не могу» пытался снова ходить...

Тут наступил Новый год. Город накрыло рождественским снегом, праздничными хлопотами и школьными каникулами. Смотреть на это из окна старой бетонной семиэтажки на окраине города было тягостно, почти невыносимо. И мама предложила Егору и Виктору прокатиться с ней по Ярославлю в экскурсионном туристическом автобусе. Но Виктору такая экскурсия была ни к чему, он и без всяких экскурсий знал свой город, как пять пальцев. К тому же на этот день была назначена хоккейная игра «Соколов “Локомотива”» с юношеской командой «Птенцы “Буревестника”», и Виктор надеялся на ледовом поле сквитаться с Бугром. Хотя, конечно, он не сказал об этой игре ни матери, ни даже Егору.

Короче говоря, в 10:00 огромный интуристовский автобус, еще пустой, без туристов, подкатил по просьбе матери к их дому, Егор на своих костылях лифтом спустился в подъезд. С помощью матери и Виктора он забрался в автобус и уселся в самом конце, у окна, на последнем сиденье.

А Виктор проехал с ними до центра города и отправился, как он сказал, на очередную тренировку.

Затем на улице Свободы автобус подкатил к роскошному и новенькому четырехзвездочному «Ring Premier Hotel», забрал из этого отеля иностранцев и повез их по Волжской набережной и самым примечательным историческим местам Ярославля – церковь Ильи Пророка, театр Волкова, церковь Рождества Христова, Спасо-Преображенский монастырь, Власьевская башня, Волжская башня, Стрелка... А мама, стоя рядом с шофером в дутом бежевом пуховике, говорила в микрофон по-английски:

– Good morning, ladies and gentlemen! Welcome to Yaroslavl! В две тысячи десятом году вся наша страна отметила тысячелетие Ярославля. Чем же столь примечателен наш старинный город на Волге? Происхождение Ярославля окутано таинственной легендой. Посмотрите в окно. Вот здесь, на левом берегу Волги, еще в V–III тысячелетии до новой эры находилось древнейшее поселение. При раскопках могильных курганов тут были найдены скандинавское

оружие, рунические надписи, шахматные фигурки и крупнейшие на севере Европы клады арабских монет. Значит, больше тысячи лет назад тут, на Волжском торговом пути, был крупный торговый центр. А в 1010 году здесь, на месте, защищенном с трех сторон высокими берегами Волги и Которосли, князь Ярослав Мудрый заложил ярославский кремль...

Иностранцы – англичане, французы и японцы – крутили головами и громко восхищались действительно замечательными красотами города, счастливо присыпанного обильным рождественским искрящимся на солнце снегом. При этом они постоянно щелкали камерами, айфонами, планшетами и прочими гаджетами, задавали маме вопросы, а у самых интересных мест – у церкви Рождества Христова, церкви Николая Мокрого и у Спасо-Преображенского монастыря – выходили из автобуса, топтались на искристом снегу, фотографировались на фоне этих исторических святынь и покупали мелкие сувениры.

«Вот счастливые люди, – думал Егор, глядя на них сквозь окно автобуса. – Ездят по всему миру! Если я стану чемпионом, я тоже поеду везде-везде – и в Европу, и в Азию, и даже в Америку!...»

Но сам из автобуса не выходил, несмотря на все приглашения соседей-иностранцев. Спрятав костыли в узкую нишу за сиденьем, он только улыбался этим соседям и говорил:

– No... Thank you... I'm okay...

При этом слушал мамины ответы на вопросы туристов, восхищался ее знаниям истории и тому, как она легко шутила с иностранцами по-английски. Он видел, как заигрывают с ней, молодой тридцатитрехлетней женщиной, пожилые одинокие туристы-мужчины, но...

– Ladies and gentlemen, – сказала мама в микрофон, когда они вернулись к обеду в «Ring Premier Hotel». – If you like our trip our driver and I will be very thankful for your gratitude¹¹.

Тут водитель дядя Володя поставил пустую железную банку из-под печенья на переднюю панель у выхода из автобуса, и у Егора сжало сердце при виде того, как мама, стоя у автобусной двери, прощалась с иностранцами, а они, проходя мимо нее и не глядя ей в глаза, клали в эту коробочку рубли, доллары и евро.

«Боже мой! Mamochka моя дорогая! – думал Егор, и слезы сами собой покатались из его глаз. – Так вот как ты зарабатываешь на меня и Витю, на нашу еду, одежду, компьютер... Да я!.. Да я вырасту, стану хоккеистом и буду зарабатывать, как Рагулин, Буре, Малкин, Овечкин! Я тебе обещаю!»

А мама, которая, видимо, не предусмотрела неизбежность такой сцены на виду у сына, теперь прятала от него глаза и делила выручку с дядей Володей, шофером.

Впрочем, выручка была, наверно, неплохая, если дядя Володя весело сказал:

– Ну, Таня, ты молодец! Я твой должник! А давай я вас в «Торпедо» отвезу. На хоккей. Там же твой старший сегодня с моим «Буревестником» играет.

– Правда? – удивилась мама.

– А ты не знаешь? Поехали! – И дядя Володя лихо тронул огромный интуристовский автобус.

* * *

К тысячелетию Ярославля старый Дворец спорта «Торпедо» на улице Гагарина был реконструирован и теперь стал просто красавцем с желто-солнечным фасадом и прозрачной голубой кровлей.

На трибунах ледовой арены было полгорода подростков и, конечно, школа Виктора и Егора чуть ли не в полном составе (среди них была и Катя из седьмого «Б»).

¹¹ Если вам понравилась наша экскурсия, наш водитель и я будем очень признательны за вашу благодарность.

Шум стоял невообразимый, игра была в самом разгаре, второй период, табло показывало счет – 2:1 в пользу «Соколов “Локомотива”».

Свободных мест не было, Егор на костылях, его мать и шофер автобуса остановились у бокового входа. Отсюда вид открывался только на половину арены, но рядом нависала открытая будка одного из спортивных комментаторов, и было слышно, как он вел репортаж:

– ...Конечно, тренер «Птенцов “Буревестника”» держит свою ударную тройку в запасе, выжидая, когда «Соколы “Локомотива”» устанут и выдохнутся...

Между тем на площадке шла яростная схватка, Виктор как левый нападающий прорвался в зону защиты «Птенцов “Буревестника”», обвел защитника, сделал пас партнеру, сам буквально пролетел за воротами, вынырнул с правой стороны, получил пас и тут же мощным ударом клюшки послал шайбу в ворота. За воротами «Птенцов» вспыхнул красный фонарь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.